

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

И.А. Вяткина

**«ACADÉMIE DES CURIEUX IMPERTINENTS»:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ
В.А. ЖУКОВСКОГО**

Начало XIX в. является периодом расцвета литературных кружков и салонов, культивировавших «домашние» формы поэзии, понятные узкому кругу лиц и не предназначенные для печати. Многие видные писатели и поэты принимали участие в деятельности разного рода домашних кружков, которые служили своеобразной лабораторией для выработки и совершенствования индивидуального художественного стиля. Зачастую именно в недрах домашних кружков зарождалась принципиально новая литература, отличная от предыдущей литературно-бытовой традиции.

Примером такого рода домашнего кружка, активным участником которого был В.А. Жуковский, является «Академия нахально любопытных» (*Académie des curieux impertinents*), чьи заседания проходили в 1811–1814 гг. в имени А.А. Плещеева Большая Чернь Болховского уезда Орловской губернии.

Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), тульский помещик, композитор-дилетант, великолепный знаток французского языка и литературы, склонный к сочинительству пьес и шуточных стихотворений, друг и дальний родственник Жуковского¹, объединил соседскую молодежь для совместных увеселений и занятий литературой. Кроме самого хозяина имения и его супруги А.И. Плещеевой, в заседаниях «Академии» принимали участие обитатели соседних имений: В.А. Жуковский, сестры М.А. и А.А. Протасовы, их мать Е.А. Протасова и тетка Е.И. Протасова, А.П. Киреевская, Е.П. и А.П. Юшковы, г-н Гета, генерал Бонами, управляющий имением Большая Чернь Осип Букильон, доктор Фор, Чайковская и Морленкур.

¹ Об отношениях Плещеева и Жуковского см.: *Соловьев Н.В.* История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. Пг., 1915. Т. 1. С. 21–34; *В.А. Жуковский* в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. ст. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М., 1999. Указ. имен; *Вигель Ф.Ф.* Записки / ред. и вступ. ст. С.Я. Штрайха. М., 1928; Т. 2. С. 103–104; *Иезуитова Р.В.* Шуточные жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // *Иезуитова Р.В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 207–238.

Литературная деятельность «Академии» протекала на французском языке, а ее результатом явились протоколы заседаний, представляющие собой тексты ответов на какой-либо вопрос, составленные каждым из ее участников. Такая структура заседаний близка к популярной в то время в кругу Жуковского игре «Секретарь», в ходе которой участники должны были указать сходство и различие двух предметов, записанных на листке бумаги, который они по очереди вытягивали. Победителем признавался автор самого остроумного ответа. По аналогии с этой игрой после каждого заседания «Академии» также определялся победитель, составивший самый полный и интересный ответ.

Название «Академии» – Académie des curieux impertinents – имеет французские истоки. Новелла с одноименным названием «Le curieux impertinent» («Излишне любопытный») вошла в «Дон Кихот» Сервантеса (известно, что в 1803–1806 гг. «Дон Кихот» был переведен Жуковским с французского языка по переделке Флориана, поэтому он мог знать о существовании текста новеллы). Французский драматург Ф.-Н. Детуш взял эту новеллу из «Дон Кихота» и в 1709 г. поставил ее в Швейцарии. Комедия Детуша в трех актах и в стихах ставилась затем 17 раз в Комеди-Франсез, принеся ее автору известность. Об этой французской комедии Детуша мог знать Плещеев, великолепный знаток французского театра и французской литературы. Можно с уверенностью предположить, что эта французская новелла, в которой высмеивается излишнее любопытство, оказала непосредственное влияние на формально-содержательную сторону деятельности «Академии».

Публикуемые тексты ответов В.А. Жуковского на заседаниях шуточной «Академии» относятся к 1813 г., исходя из датировки на рукописях ответов Жуковского: под протоколом первого заседания стоит дата 24 августа 1813 г., протокол третьего заседания датирован 2 сентября того же года. Другие протоколы не датированы.

Тексты первых трех ответов Жуковского на французском языке были опубликованы без перевода¹, четвертый и пятый ответы публикуются впервые, черновой автограф хранится в рукописном собрании ПД².

¹ См.: Гофман М.Л. Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. 183 с.

² Жуковский В.А. «Persévérance» – Рассуждения в прозе на французском языке. Наброски на русском языке. Б.д. 15 л. // ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 37.

При всей своей шуточно-развлекательной видимости деятельность чернской «Академии» имела очевидный характер жанрово-языкового эксперимента. Вопросы, поднимавшиеся на заседаниях «Академии», как и зафиксированные в протоколах этих заседаний речи, имели преимущественно метафизический характер и касались вечных тем любви, семейного счастья, самопожертвования; ответы же изобиловали игровыми приемами речи, среди которых главное место принадлежит каламбуру и обыгрыванию полисемии, омофонии и омоформ.

В ответах Жуковского быт и бытие соседствуют, взаимопроникают, предопределяя выбор языковой формы: именно благодаря французскому языку с его развитым категориально-понятийным аппаратом и установившимся набором клишированных языковых форм такое смешение стало допустимым и органичным в рамках одного литературного текста. Участие в деятельности «Академии» стало для поэта своеобразной школой по выработке индивидуального стиля, поиску новых литературных и языковых форм, в которой значительную роль сыграл французский язык.

Première séance de l'Académie des curieux impertinants

Réponse 15

Devise: Voyez ma curiosité

Lanterne magique! Lanterne magique! la pièce curieuse!

C'est ainsi qu'un Savoyard^{II} criait sous ma fenêtre.

J'étais seul et triste, ma tête était pesante, mon âme engourdie et ne pouvant occuper mon âme je me trouvais très heureux de pouvoir occuper mes yeux. Je dis donc au Savoyard d'entrer. C'était un petit jeune homme très vif, au regard spirituel, à la figure charmante. Il entra lentement, posa sa lanterne sur ma table, on ferma les volets et la pièce commença.

«Je vous dirai d'abord, mon cher Monsieur – ainsi parla le petit Savoyard – que ma lanterne magique n'est pas du nombre de ces lanternes ignorées et ignobles, qui ne parlent que d'animaux, de diables cornus et d'opérateurs qui trouvent leurs délices dans les boyaux. C'est une lanterne philosophe. Ce soir, Monsieur, elle aura l'honneur de vous montrer la personne capable de faire votre bonheur dans ce bas monde.

Ayez la bonté d'être attentif et surtout ne baillez pas. Cela pourrait interrompre le cours de mes idées. Ma lanterne ne me fournit que le texte, et moi je ne suis que son très humble commentateur: Et nota bene! Il faut que vous sachiez que les personnes qui vont paraître devant vous, sont toutes d'un caractère irréprochable. Que faut-il de plus pour le bonheur, me demanderez-vous? Nous allons voir»:

Et combidra vanandra manir!^{III}

Et je vis paraître une ombre, d'une beauté éblouissante, elle avait le port majestueux; le regard serein, mais grave; une démarche assurée et tous ses mouvements avaient quelque chose d'imposant. Elle m'étonna, mais ne me toucha pas.

Le Savoyard me dit:

«Voilà une belle personne; n'est-ce pas? Si vous étiez peintre, vous la choisiriez pour faire le portrait de Minerve. Eh bien, mon cher Monsieur, adorez-la comme une divinité, mais ne lui confiez pas votre bonheur. Elle a toutes les qualités d'une personne vertueuse, mais son esprit est trop supérieur au vôtre; vous vous mettez toujours à la torture pour vous élever à sa hauteur et votre existence ne sera qu'un ennui sublime. Point de bonheur sans égalité. Disparé.»

Et combidra vanandra manir!

«Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette jeune beauté si négligée. Elle se mouche dans son bonnet, elle crache dans son sac à ouvrage, elle a le nez barbouillé d'encre – en un mot cette personne est charmante! Elle a tout pour être aimable et aimée! Mais, cher Monsieur, tâchez de ne pas en devenir amoureux, vous risqueriez de dire adieu pour jamais à la tranquillité de votre vie! Cette jeune beauté est savante – c'est tout dire! Elle négligera le berceau de son enfant pour rester auprès de son télescope et votre simple bon sens sera toujours terrassé par sa dialectique. Enfin vous serez obligé ou de fuir votre maison, ou de vous soumettre, en prononçant la formule des disciples d'Aristote: le maître l'a dit! ce qui est très bon pour un docteur en philosophie et très indécent pour un mari...gare la savante! Disparé!»

Et combidra vanandra manir!

«Celle-ci que vous voyez si jolie et si mélancolique, c'est une personne douée de beaucoup de sensibilité. Ceux qui la voient de loin la trouvent charmante, mais vous, qui seriez destiné en qualité de mari de rester toujours près d'elle, vous ne seriez pas de l'avis de ces autres. Elle a tout ce qui est nécessaire pour vous donner le bonheur et fera tout pour vous l'ôter et devenir malheureuse elle-même.

C'est une tête exaltée, elle a le caractère susceptible, elle est méfiante. Elle s'est créé un monde hors des limites de la nature et voudra par force vous y entraîner avec elle, si vous ne la suivez pas, elle vous laissera seul soupirant sur les ruines des biens réels qu'elle-même a détruits sans pitié. Elle vous persécutera sans cesse pour votre sensibilité simple et naturelle, pour votre paisible bon sens, pour votre attachement sans affectation, enfin les vertus qui seuls constituent le bonheur solide ne vous serviront qu'à le détruire! Disparé! vite! vite!»

Mais pour ne pas vous ennuyer, mes bons amis, je vous dirai en deux mots que mon Savoyard me montra au moins une douzaine de femmes parfaites. Il les faisait défiler devant moi l'une après l'autre, en chantant leur panégyrique, mais toujours son refrain était: Gare à vous! ne vous y fiez pas! Celle-ci lui paraissait avoir une vertu trop rigide: elle se créait de devoirs inutiles et s'entourait de scrupules qui chassaient loin d'elle les plus innocents plaisirs. L'autre, spirituelle et bonne, n'aimait pas assez le travail et ouvrait trop souvent la plus jolie petite bouche du monde pour bailler au milieu des occupations paisibles du ménage. Celle-là oubliait trop la terre pour le Ciel et sacrifiait l'activité utile à la contemplation oisive, qui dessèche l'âme en isolant... Enfin, mon petit Savoyard était sans pitié, sa langue frappait à droite et à gauche, et son fatal disparé, comme un arrêt irrévocable du sort, faisait évanouir le fantôme, tout honte de son apparition inutile.

Déjà je commençais à m'ennuyer. Tout-à-coup apparut une ombre, qui s'empara de toute mon attention, et je vous avoue que mon cœur fut entraîné vers elle par un attrait irrésistible. Mon Savoyard me lança un regard malin et débuta comme à l'ordinaire par un:

Et combidra vanandra manir!

«Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette figure si douce et si agréable? Elle n'a pas l'éclat éblouissant de ces beautés que j'ai eu l'honneur d'offrir à vos regards, mais avouez que ses traits paisibles vous touchent plus profondément. Vous n'êtes pas ébloui, mais vous vous sentez doucement attiré vers elle; vous êtes calme, mais vous êtes heureux en sa présence. Sa beauté n'est pas du nombre de celles qui produisent tout leur effet dès le premier moment; mais plus on la voit, plus on découvre en elle de ces charmes touchants, de ces charmes qui n'ont pas de nom et qui ne peuvent qu'être sentis, – c'est l'invisible beauté de l'âme qui remplit tout, qu'on ne peut saisir nulle part, qui vous attendrit et qui fait couler dans votre cœur un doux contentement. Peut-être vous ne la remarquerez pas au milieu d'un brillant cercle de beautés,

mais, l'ayant une fois remarqué, vous emporterez son souvenir dans la solitude, elle deviendra votre compagnon chéri et son image sera pour vous l'image du bonheur. Son âme, simple et douce, est remplie de cette sensibilité paisible, qui ne la tourmente jamais, qui se répand sur la moindre de ses actions: elle brille dans son regard modeste, elle charme dans sa douce voix: c'est comme le parfum de la violette qui embaume la prairie et reste invisible... Son cœur ne l'abandonnera jamais à l'orage passager d'une passion violente, mais il sera toujours tendre, toujours aimant et jamais ne variera dans son attachement. Douceur inaltérable – voilà son caractère, mais cette douceur n'est pas faiblesse. Elle cédera sans effort et trouvera du plaisir dans sa résignation; mais elle saura être ferme quand son devoir, quand l'intérêt de ce qu'elle aime l'exigera: en refusant elle aura l'air d'obéir et vous vous soumettez sans effort à son regard suppliant et tendre. Son esprit est droit, il aurait pu être brillant si la modestie n'adoucisait son éclat. Aimant à s'occuper, elle se suffira toujours et jamais ne pensera à sortir de son petit cercle où règnent autour d'elle la tranquille activité, la paix, le contentement. Oh! qu'il est facile de la rendre heureuse, – elle vient elle-même au devant du bonheur! Son âme innocente le devine. Heureux celui qui de bonne foi le cherchera pour elle! Il n'aura qu'à ne pas la lui refuser...»

J'écoutais avec saisissement mon orateur; l'image charmante que je voyais devant moi me parut animée, et l'illusion était si forte, qu'involontairement je m'élançais vers elle... Tout disparut – et le fantôme, et le Savoyard et sa lanterne. Je vis devant moi un joli enfant, qui me regardait sans cesse, les bras croisés, avec un air malin, mêlé de compassion.

Qui es-tu, être inconcevable? m'écriai-je saisi d'étonnement.

«Je suis l'Amour!»

Que viens-tu faire ici? Pourquoi ce costume et cette lanterne?

«Je m'amuse!»

Joli amusement! Abuser un pauvre mortel par des rêves! Réponds-moi! peux-tu réaliser cette illusion charmante, qui s'est attachée à mon âme, bien malgré moi et qui – je le crains – ne la quittera jamais.

«Hélas! je le voudrais, mais je ne puis!»

Pourquoi donc, méchant que tu es, venir troubler ma tranquillité?^{IV}

«Ecoute-moi, mon ami, et ne te fâche point. Je ne suis pas si coupable que tu le crois; je suis un enfant, et j'aime à m'amuser. Voilà tout. Le Ciel est triste et les Dieux sont trop graves pour mon humeur folâtre; j'aime mieux la terre, où il y a tant de fous, sans te compter. Vous autres

aveugles, vous me croyez méchant – et vous vous trompez lourdement, – je ne suis qu'enfant. C'est ce vieux Destin, grognon et capricieux comme tout vieillard doit l'être, qui se mêle sans pitié à mes jeux enfantins et me prescrit mes amusements comme un docteur ses pilules. S'il ne dépendait que de moi, je te donnerais en réalité ce qui t'a charmé si fort en illusion – mais, que veux-tu? Le Destin a écrit ce matin sur son journal: L'Amour pour se désennuyer ira aujourd'hui sur la terre et y montrera la lanterne magique à celui qui sera désigné par le sort – et le sort tomba sur toi, pauvre malheureux. Je te plains, mais tire-toi de là comme tu peux! Mon pouvoir ici est nul! Moi-même je ne suis qu'une marionnette. Bonsoir.»

Et il disparut.

Mes amis, je vous ai conté fidèlement ce qui m'est arrivé! D'après cela jugez vous-même, si je suis en état de répondre à cette question: De quel caractère désireriez-vous que fût la personne à qui vous confieriez le bonheur de votre vie? Je n'ai rien à désirer et ne veux rien choisir.

Mr. Joukoffsky

Перевод:

Первое заседание Академии нахально любопытных.

Ответ 15

Девиз: Представьте мое любопытство.

Волшебный фонарь! Волшебный фонарь! Забавная пьеса!

Вот так один Трубочист¹ кричал под моим окном.

¹ Тонкий намек на А.А. Плещеева. Слово Savoyard имеет два значения: 1) невежа, грубиян и 2) трубочист. Первое значение связано с названием «Академии», в котором слово impertinent также означает «грубиян, невежа, нахал». Второе значение французского слова – трубочист. Для домашнего кружка Жуковского «чернота» была ассоциативно связана с именем Плещеева: он жил в имении Чернь, девичья фамилия его жены была Чернышева, сам он был смугл, и друзья, в шутку, называли его «негром» и «копченым плещуком», в «Арзамасе» его будут называть Черным враном. Но эта чернота была внешней, сам Плещеев был добрейшим, образованнейшим человеком, и Жуковский был очень привязан к нему. Помимо этого, слово Savoyard созвучно с французским глаголом savoir, означающим «знать, уметь». По сюжету повествования Трубочист знал все достоинства и недостатки показываемых им женщин и также знал, что именно последняя из них произведет особое впечатление на автора.

Я был одинок и печален, голова моя отяжелела, душа оцепенела, и, не имея возможности занять душу, я был рад занять глаза. Итак, я попросил Трубочиста войти. Это был невысокий, очень подвижный юноша с умными глазами и очаровательной внешностью. Он медленно вошел, поставил свой фонарь на стол, мы закрыли ставни, и пьеса началась.

«Сначала я вам скажу, мой дорогой господин – так заговорил Трубочист, – что мой волшебный фонарь не из числа тех неизвестных и отвратительных фонарей, что вещают только о животных, рогатых чертях и хирургах, находящих отраду в кишках. Это фонарь философский. Этим вечером, господин, он будет иметь честь показать вам особу, способную сделать вас счастливым в этом брэнном мире.

Потрудитесь быть внимательным и, самое главное, не зевайте. Это может прервать ход моих мыслей. Фонарь предоставляет мне только текст, я же являюсь его смиренным толкователем: И запомните! Вам необходимо знать, что все особы, которые предстанут перед вами, обладают безупречным нравом. Что же нужно еще для счастья, спросите вы меня? Посмотрим».

Э комбидра ванандра манир!¹

Таким образом, одно слово на французском языке рождает целый ряд ассоциаций и вбирает три основные идеи: данный герой нахал (по аналогии с названием «Академии»), за его черной внешностью скрывается светлое начало и он обладает знанием. Все эти три ассоциативных пласта применимы к Плещееву. Он – участник «Академии», черный снаружи, но светлый внутри, к тому же человек образованный и знающий.

¹ Эти выражения представляют собой яркий пример галиматши, которая зародилась и оттачивалась Жуковским именно в 1811–1813 гг., в период общения с Плещеевым. Она будет активно использоваться поэтом в «Арзамасе». Д.В. Дашков в письме к Вяземскому (1815 г.) отмечает: «Неоцененный секретарь наш [Жуковский] недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как наострил в галиматше» (РА. 1866. № 3. С. 500).

В текст первого протокола Жуковский вводит волшебные слова, которые Трубочист произносит перед появлением образа очередной девушки: «Et combidra vanandra manir». С помощью этих волшебных слов поэт создает словесный образ, в котором каждая морфема значима. Так, латинское слово «vano, vanito, vanitare» (обманывать, лгать) в некоторой степени созвучно со словом «vanandra», если предположить, что van это корень, а ndra – окончание будущего времени, характерное для французского языка. Также морфема combi в слове «combidra» может восходить к латинскому глаголу combinare, что значит «объединять, комбинировать, организовывать сообразно какой-либо цели, планировать». Слово «manir» созвучно французскому слову «manière», которое означает «манера, способ действия». Кроме того, выражение «андер манир» характерно для райка: при демонстрации нового вида панорамы раешник употреблял эти слова, означающие смену изображения. В тексте Жуковского после

И я увидел, как появляется тень ослепительной красоты. Она имела величественную осанку, безмятежный, но строгий взгляд, уверенную походку, и во всех ее движениях было что-то величественное. Она меня удивила, но не тронула.

Трубочист мне сказал:

«Вот красивая особа, не правда ли? Если бы вы были художником, вы бы избрали ее для портрета Минервы. Итак, мой дорогой господин, поклоняйтесь ей как божеству, но не доверяйте ей своего счастья. Она обладает всеми качествами добродетельной особы, но ее ум слишком превосходит ваш. Вы всегда будете подвергаться попытке, чтобы подняться до ее высот, и ваше существование превратится в возвышенную скуку. Нет счастья без равенства. Исчезни!».

Э комбидра ванандра манир!

«Видите ли вы, мой дорогой господин, эту неопрятную юную красавицу? Она сморкается в свой чепчик, плюет в сумку для рукоделия, ее нос испачкан чернилами – одним словом, эта особа очаровательна! У нее есть все, чтобы быть достойной любви и быть любимой! Но, дорогой господин, постарайтесь не влюбиться в нее, иначе вы можете навсегда распрощаться со спокойствием вашей жизни! Эта юная красавица ученая – и этим все сказано! Она оставит без внимания колыбель ребенка, чтобы остаться перед телескопом, и ваш простой здравый смысл будет сражен ее логикой. Наконец, вам придется либо сбежать из дома, либо покориться, произнося формулу учеников Аристотеля: учитель сказал! Это очень хорошо для доктора философских наук, но не подходит мужу... сторонись ученой! Исчезни!»

Э комбидра ванандра манир!

слов «et combidra vanandra manir» происходит смена декораций и появляется очредная девушка. Таким образом, бессмысленный на первый взгляд набор вымышленных слов можно соотнести с идеей обманчивого, бесполезного выбора с указанием на смену изображения, демонстрируемого трубочистом.

Также из беспорядочного и на первый взгляд бессмысленного набора морфем состоит имя персонажа четвертого протокола Жуковского: Zempusy-que-qua-Zy-zu. Первое слово (Zempusy) и два последних (Zy zu) могут восходить к французским словам «jalousie» (от лат. zelosus) – ревность, беспокойство и «zizanie» – несогласие, раздор. Два средних односложных слова «que qua» могут являться прочитанным наоборот французским словом «quoique» – хотя. Таким образом, имя этого персонажа рождает идею беспокойства и внутреннего раздора, что подтверждается сюжетом повествования, в котором герой никак не мог выбрать, каким ему родиться на свет: холодным и бездушным или чувствительным и восприимчивым.

«Эта особа, такая милая и задумчивая, наделена большой чувствительностью. Те, кто видят ее издалека, находят ее очаровательной. Вы же, предназначенный навсегда оставаться рядом с ней в качестве мужа, вы не будете разделять чужого мнения. У нее есть все необходимое, чтобы дать вам счастье, но она сделает все, чтобы вас его лишить и самой сделаться несчастной.

Это пылкая особа, у нее обидчивый характер, она недоверчива. Она создала себе свой собственный мир и хочет силой увлечь вас в него, а если вы за ней не последуете, она оставит вас одиноко вздыхать на развалинах земных благ, которые сама же безжалостно разрушила. Она будет бесконечно преследовать вас за вашу простую природную чувствительность, за ваш кроткий здравый смысл, за вашу непритворную привязанность. Словом добродетели, которые лишь одни составляют прочное счастье, послужат вам лишь для его разрушения! Исчезни! Быстро! Быстро!»

Но чтобы вам не докучать, друзья мои, скажу в двух словах, что мой Трубочист показал, по крайней мере, десяток совершенных женщин. Он заставлял их прохаживаться предо мной одну за другой, расхваливая их, но припев был неизменным: Сторонитесь! Не верьте! Эта, как ему казалось, имела слишком строгую добродетель: она создавала себе бесполезные дела и терзалась сомнениями, которые отгоняли от нее самые невинные удовольствия. Та, умная и добрая, недостаточно любила работу и часто открывала свой красивый ротик, зевая в разгар мирных домашних забот. Другая забывала землю ради Неба и жертвовала полезной деятельностью ради праздного созерцания, которое иссушает душу, уединяя... Словом, мой Трубочист был безжалостен, его речи обличали, и роковое исчезни, как бесповоротный приговор судьбы, заставляло призрак рассеяться, смущенного своим бесполезным появлением.

Я уже начал скучать. Вдруг появился образ, завладевший всем моим вниманием, и признаюсь, непреодолимая тяга увлекла к нему мое сердце. Трубочист бросил на меня хитрый взгляд и как обычно начал:

Э комбидра ванандра манир!

«Видите, мой дорогой господин, эту особу, такую нежную и милую? Она не обладает ослепительным блеском тех красавиц, которых я имел честь представить вашему взору, но признайтесь, что ее кроткое очарование вас трогает намного глубже. Вы не ослеплены, но чувствуете, как вас тихо влечет к ней; вы спокойны и

счастливы в ее присутствии. Ее красота не производит всего своего действия с первой минуты. Чем больше на нее смотришь, тем больше трогательного очарования открываешь в ней; очарования без имени, которое нужно просто почувствовать – это заполняющая все невидимая красота души, которую нельзя уловить и которая вас умиляет и наполняет ваше сердце сладостным удовольствием. Быть может, вы и не заметите ее среди блистающих красавиц, но если заметите, то унесете воспоминание о ней в свое одиночество. Она станет вашей нежно любимой спутницей, и ее образ будет для вас символом счастья. Ее душа, простая и нежная, наполнена той кроткой чувствительностью, которой она никогда не терзается и которая изливается на самый ничтожный ее поступок: она сияет в ее скромном взгляде, очаровывает в ее нежном голосе. Это как аромат фиалки, благоухающей на лугу и остающейся незаметной... Ее благородство никогда ее не оставит в минутной буре сильной страсти, ее сердце всегда останется нежным, любящим и никогда не изменит в своей привязанности. Неизменная мягкость – вот ее характер, но эта мягкость не есть слабость. Она уступит без усилий и найдет удовольствие в покорности; но она сумеет быть твердой, когда потребует долг и интерес того, что она любит. Отказываясь, она будет иметь покорный вид, и вы легко покоритесь ее умоляющему и нежному взгляду. У нее здравый ум, который мог бы быть блистательным, если бы скромность не смягчала его блеск. Она любит себя занять и не ищет общества других, она никогда не подумает выйти из своего маленького мира, где царят спокойная деятельность, мир и удовлетворение. О! как легко сделать ее счастливой, – она сама идет навстречу счастью! Ее невинная душа его угадывает. Счастлив тот, кто искренне будет искать его в ней. Ему останется только ей не отказывать...»

Я с дрожью слушал моего оратора. Очаровательный образ, который я видел пред собой, показался мне ожившим, и это ощущение было так сильно, что я невольно устремился к нему... Все исчезло – и призрак, и Трубочист, и его фонарь. Я увидел подле себя милого ребенка, неотрывно смотревшего на меня, со скрещенными руками, с хитрым и немного сочувствующим видом.

Кто ты, непонятное существо? – воскликнул я удивленно.

«Я бог Амур!»

Что ты здесь делаешь? К чему этот наряд и фонарь?

«Я забавляюсь!»

Вот так забава! Обманывать бедного смертного грезами! Ответь мне! Можешь ли ты оживить этот очаровательный образ, который против моей воли вошел в мое сердце и который – боюсь – никогда его не покинет?

«Увы! Я бы этого хотел, но не могу!»

Зачем же, этаким бездельник, приходите и нарушать мое спокойствие?¹

«Послушай меня, друг мой, и не сердись. Я не так виноват, как ты думаешь. Я дитя и люблю веселиться. Вот и все. Небо уныло, а боги слишком серьезны для моего игривого настроения. Мне больше по душе земля, где есть столько глупцов, не считая тебя. Вы слепы, вы считаете меня коварным, но вы глубоко заблуждаетесь – я всего лишь дитя. Это старуха Судьба, ворчливая и капризная, как и всякая старуха, безжалостно вмешивается в мои детские игры и прописывается мне забавы, как доктор пилюли. Если бы это зависело только от меня, я бы сделал реальным тот образ, что так сильно тебя очаровал – но, что ты хочешь? Судьба записала сегодня утром в своем дневнике: Дабы разогнать скуку, Амур отправится сегодня на землю и покажет волшебный фонарь тому, кто будет избран – и жребий пал на тебя, бедняга. Мне жаль тебя, но выпутывайся сам, как можешь! Я здесь безвластен! Я сам лишь марионетка. Доброй ночи».

И он исчез.

Друзья мои, я вам достоверно рассказал все, что со мной случилось! Судите сами, в состоянии ли я ответить на этот вопрос: Какой должна быть особа, которой пожелали бы вы доверить счастье вашей жизни? Я ничего не желаю и ничего не хочу выбирать.

Г-н Жуковский

¹ Здесь очевидно прослеживается связь с переводом Жуковским шуточного стихотворения Эвариста Парни «Разговор», относящимся к 11 октября 1806 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 87. Примеч. А.С. Янушкевича. С. 475–476).

Перевод «Разговора» Парни

Как звать тебя, чудак? Кто ты?

Я бог Амур!

Обманывай других

Но кто тебе дал странный сей убор?

Зачем такой наряд?

Перевод первого протокола

Кто ты, непонятное существо?

Я Амур!

Вот так забава! Обманывать бедного смертного грезами!

Зачем этот наряд и этот фонарь?

*Seconde séance de l'Académie des curieux impertinants***Réponse 17****Devise: Honny soit qui mal y pense¹**

Je ne sais si la question proposée peut regarder l'homme en général; je doute qu'elle soit déduite de l'expérience et fondée sur la nature humaine.

On veut savoir pourquoi l'homme vit-il plus dans l'avenir que des souvenirs du passé? Et moi, je demande pourquoi l'homme vivrait-il plutôt dans l'avenir ou dans le passé que dans le présent? Le seul présent devrait l'occuper. S'il en est quelquefois autrement, c'est l'affaire des circonstances, donc c'est un cas particulier – et la question proposée regarde l'humanité en général.

La nature ne nous a pas fait une loi de toujours vivre dans l'avenir, de ne jamais nous contenter du présent, et de négliger les Souvenirs du passé. Mais en nous ordonnant de jouir elle a marqué dans notre vie les époques où nous devons être plus portés à nous occuper ou du présent, ou de l'avenir, ou du passé.

Voyez l'enfant! il est heureux, sans souvenirs et sans espérance. – Oubli pour le passé, insouciance pour l'avenir, bonheur pour le présent, on pourrait dire en le voyant si calme, si gai, si serein sur le seuil terrible de la vie, que l'enfance et la sagesse sont synonymes, la prévoyante nature a, pour ainsi dire, ébauché toute notre vie dans ces moments rapides que nous passons près de notre berceau. Elle nous dit, en nous proposant pour modèle le bonheur tranquille de nos premières années: prenez pour guide l'expérience et la réflexion et revenez par le chemin de la vertu à cet état de l'âme et de sérénité qui a commencé votre vie et qui a été mon ouvrage. – La jeunesse est toute pour l'avenir, une attente vague, inquiète et souvent délicieuse s'attache alors à toutes nos jouissances, et le moment présent embrasse pour nous un grand espace. Avec le sentiment qui le remplit se réveillent dans notre âme une foule d'autres, qui ajoutent à notre plaisir en l'attendant, qui affaiblissent notre

¹ Девиз Жуковского «Honny soit qui mal y pense» (*перевод*: «Позор тому, кто дурно об этом подумает») является девизом английского ордена подвязки. В юмористических журналах «Муратовский сморчок», «Муратовская вошь» Жуковский называл себя кавалером орденов трех печенок. См.: *Соловьев Н.В.* История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Т. 2. С. 123.

tristesse en entourant la réalité d'illusions charmantes. Et c'est grâce à notre inexpérience! Nous nous fions à la vie et nous n'avons pas encore appris à nos dépens combien elle peut être trompeuse. Nous jouissons de l'avenir précisément parce qu'il nous est inconnu et qu'il n'existe que dans notre imagination enchantée. Mais dans l'âge mûr, quand notre sort est accompli, quand nos forces sont développées, quand nous avons fixé la vraie valeur de la vie, nous nous retirons dans le cercle étroit du présent, nous agissons – et s'il nous arrive de porter nos regards sur l'avenir, c'est uniquement par prudence, pour être toujours en garde. – Arrive la vieillesse; avec elle arrive le triste et inutile regret du passé; mais c'est alors aussi que se découvre pour moi de plus près un nouvel avenir: idée consolante! Sans nous détacher de la vie, elle en adoucit l'amertume et rend pour nous moins affligeant le souvenir de sa fin prochaine.

J'ai indiqué la marche de la nature – mais la destinée en choisit souvent une autre! Et il est prouvé par expérience que nos sentiments, nos opinions sont toujours déterminés par notre destinée.

Voyez celui qui – sans éprouver de grands malheurs, a été privé dès le berceau de toutes ces joies qui rendent la vie si chère – l'avenir aura-t-il pour lui beaucoup d'attraits? Hélas! notre imagination ne le compose que de souvenirs! Et ses compositions ne sont gaies ou tristes, variées ou monotones que selon la matière dont elles se servent. Et l'homme qui n'a jamais connu le bonheur par expérience ne saura jamais le placer dans sa perspective – il restera seul, cloué au présent, détaché du passé, sans projets pour l'avenir.

Celui, au contraire, qui connaît le bonheur, mais qui a souvent et douloureusement éprouvé combien il est variable, pourra-t-il s'en détacher pour fixer les regards sur l'avenir? – Hélas! l'avenir est un abîme! et celui qui l'a vu engloutir si souvent ce qui lui était si cher ne s'en approchera qu'avec répugnance. Je crois même qu'il préférera l'idée du présent avec tous ses maux réels à l'espérance de l'avenir avec tous ses biens illusions. – Le premier au moins l'assure du présent, et la dernière l'en fera douter malgré ses promesses, parce que l'idée importune de l'incertitude s'attache naturellement à elle.

Vous me direz que c'est au malheureux battu par l'orage de la vie à s'attacher à l'avenir. Mais si c'est un avenir terrestre, peut-être pour lui d'une grande consolation? Il ne sers qu'un faible palliatif qui trompera pour un moment sa maladie, mais ne le guérira point. Un pauvre marinier, entouré des horreurs de la tempête, pleure en pensant qu'il existe quelque

part une terre qui aurait pu lui servir de refuge. En attendant la tempête gronde, et Dieu sait où elle le conduira. De même, un malheureux éprouve une impatience douloureuse en rêvant à ce peut-être si incertain. Il n'existe dans l'avenir que comme un banni dans son exil. Son espérance est comme cette plante avec laquelle un pauvre naufragé est balloté par les vagues: remplacera-t-elle pour lui les trésors qui ont péri dans l'abîme?

Je crois donc que celui-là seul peut en quelque manière exister dans l'avenir, qui, n'étant pas accoutumé par des revers fréquents à craindre la vie, jouit paisiblement de son présent et l'a su fonder sur les bases solides du passé. – Ce n'est que cette réunion si rare qui peut donner à nos espérances le charme entraînant qui les transforme en réalité. Dans tout autre cas le mot exister dans l'avenir est vide de sens, et je n'y comprends rien.

Mr. Joukoffsky

Перевод:

Второе заседание Академии нахально любопытных

Ответ 17

Девиз: Позор тому, кто дурно об этом подумает

Я не знаю, может ли предложенный вопрос относиться к человеку в целом; сомнительно, чтобы он следовал из опыта и был основан на природе человеческой.

Мы хотим знать, почему человек живет будущим, а не воспоминаниями о минувшем? Я, в свою очередь, спрашиваю, почему человек живет скорее в будущем или прошедшем, а не в настоящем? Только настоящее должно бы его занимать. Если это порою не так, это дело обстоятельств, значит это особый случай – и предложенный вопрос относится к человечеству в целом.

Природа не налагала на нас правило всегда жить в будущем, никогда не довольствоваться настоящим и пренебрегать воспоминаниями о прошлом. Но предписывая нам пользоваться им, она обозначила в нашей жизни этапы, когда мы должны быть более склонны заниматься либо настоящим, либо будущим, либо прошлым.

Посмотрите на ребенка! Он счастлив без воспоминаний и без надежды. – Забвение прошлого, беззаботность перед будущим, счастье в настоящем. Видя его таким спокойным, веселым, безмятежным на грозном пороге жизни, можно сказать, что детство и мудрость есть одно; предусмотрительная природа обрисовала всю нашу жизнь в этих скоротечных моментах, что мы проводим у колыбели. Она нам говорит, предлагая в качестве образца спокойное счастье наших первых лет жизни: руководствуйтесь опытом и размышлением и возвращайтесь дорогой добродетели к тому безмятежному состоянию души, с которого началась ваша жизнь и которое было моим творением. – Молодость вся в будущем; смутное, беспокойное и часто восхитительное ожидание связано со всеми нашими наслаждениями, и настоящий момент охватывает для нас широкий отрезок времени. Вместе с чувством, наполняющим его, просыпается в нашей душе множество других, увеличивающих удовольствие ожидания, ослабляющих нашу грусть, окружая реальность милыми иллюзиями. И это благодаря нашей неопытности! Мы бежим от жизни, еще не познав на своем горьком опыте, насколько она может быть обманчива. Мы наслаждаемся будущим только потому, что оно нам неизвестно и существует только в нашем восхищенном воображении. Но в зрелом возрасте, когда наша участь свершена и силы израсходованы, когда мы поняли истинную ценность жизни, мы удаляемся в узкий круг настоящего, мы действуем – и если нам случается обратить свой взор к будущему, то это лишь из осторожности, чтобы всегда быть на страже. – Приходит старость; вместе с ней приходит грусть и бесполезное сожаление о прошлом; но именно тогда все ближе открывается мне новое будущее: утешительная мысль! Не отделяя нас от жизни, она смягчает ее горечь и делает менее прискорбным воспоминание о ее скором конце.

Я описал путь природы – но судьба часто выбирает другой! И доказано опытом, что наши чувства, наши убеждения всегда определены судьбой.

Посмотрите на того, кто не испытывал больших несчастий и с колыбели был лишен всех тех радостей, которые делают жизнь такой дорогой. Будет ли будущее иметь для него привлекательность? Увы! Наше воображение рисует его только из воспоминаний! И эти составляющие являются веселыми или грустными, разнообразными или однообразными лишь в зависимости от того, чему они служат. И человек, который никогда не знал счастья на опыте, никогда не

сумеет перенести его в будущее – он останется один, прикованный к настоящему, отделенный от прошлого, без планов на будущее.

Тот же, кто познал счастье, но кто часто и болезненно испытывал, насколько оно изменчиво, сможет ли он отказаться от него и обратить взор в будущее? – Увы! Будущее есть пропасть! И тот, кто видел, как она часто поглощала все то, что было так дорого, неохотно приблизится к ней. Я даже думаю, что он предпочтет идею настоящего со всеми его реальными бедами ожиданию будущего со всеми его обманчивыми благами. – Первое, по крайней мере, обеспечивает ему настоящее, а последнее заставит его в нем сомневаться, потому как с ним естественным образом связана навязчивая мысль о неизвестности.

Вы мне скажете, что цепляться за будущее – это удел несчастного, поверженного жизненными потрясениями. Но если это земное будущее, может ли оно стать для него большим утешением? Оно будет слабым лекарством, способным лишь на время обмануть его недуг, но не излечит его. Бедный моряк, окруженный ужасами шторма, плачет, думая, что существует где-то земля, которая могла бы ему послужить убежищем. Между тем шторм ревет, и только Бог знает, куда он его заведет. Таким же образом, несчастный испытывает болезненное беспокойство, мечтая о таком неопределенном может быть¹. Он существует в будущем только как изгнанник в своем изгнании. Его надежда, как эта доска, на которой бедный потерпевший кораблекрушение качается по волнам: заменит ли она ему сокровища, уничтоженные в пучине?

Я думаю, что только тот может в какой-то мере существовать в будущем, кто не привык из-за частых невзгод бояться жизни, кто спокойно наслаждается настоящим и сумел создать его на прочной основе прошлого. – Только это объединение, такое редкое, может придать нашим надеждам увлекательную прелесть, превращающую их в реальность. В любом другом случае выражение существовать в будущем лишено смысла, и я в нем ничего не понимаю.

Жуковский

¹ Такой прием переноса отдельных частей речи и целых словосочетаний в ряд существительных с выделением их в тексте часто используется Жуковским в его «серьезном» творчестве. Например, «магическое *там*» («Уединение», 1813), «и здесь навеки *там*» («К Ив. Ив. Дмитриеву», 1813), «святое *Прежде*, // Зачем в мою теснишься грудь?» («Песня», 1818).

*Troisième séance de l'Académie des curieux impertinants***Réponse 15****Devise: Persévérance¹**

Pour bien répondre à la question proposée, il faut d'abord déterminer ce qu'on entend par le mot préjugé. Alors il sera plus facile de répondre si un préjugé peut être mis en balance avec notre amour ou l'objet chéri.

¹ Слово persévérance, в переводе с французского «настойчивость, упорство, терпение», является своеобразным словом-символом, употребляемым в стихотворениях и письмах-дневниках Жуковского, и отражает жизненную позицию поэта в его отношениях с М.А. Протасовой. Недаром Жуковский выбирает слово «persévérance» девизом своего третьего ответа, в котором речь идет о предрассудках. Это же ключевое слово появляется в пятом ответе в связи с рассуждениями о семейном счастье и путях его достижения. В письмах Жуковского близким, в его дневниках и стихотворениях идея «терпения» проходит лейтмотивом. Так, 31 июля 1814 г. Жуковский пишет А.П. Киреевской:

Подумаем же вместе, какую бы одну фразу выбрать покороче, но такую, чтобы ее можно было растянуть на всю жизнь <...>. Persévérance да и только <...>. Что ни есть доброго в настоящем и будущем, все можно прицепить к этому слову (РС. 1883. № 2. С. 448.)

В письме к Маше Протасовой от 29 марта 1815 г., написанном на русском языке, Жуковский употребляет только одно слово по-французски: «persévérance»:

А у меня есть верная защита от всего: воспоминания и persévérance! (Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907. Вып. 1. С. 157, 176, 180, 185, 200).

В эти же годы в русских стихотворениях поэта слово «терпение» приобретает вполне определенный смысл, связанный с внутренними переживаниями по поводу несостоявшейся женитьбы. Вот, например, отрывок из стихотворения «Добрый совет» (1814), посвященного В.А. Азбукину:

Любовь, Надежда и Терпенье:

На жизнь порядочный запас.

Вперед без страха; в добрый час!

За все порука Провиденье (ПССиП. Т. 1. С. 330).

В раннем долбинском стихотворении «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» (1814) идея терпения равнозначна смирению перед судьбой:

А нам будь в пользу пробужденье!

И мы, не метя больше вдаль,

Терпеньем усладим печаль... (ПССиП. Т. 1. С. 334).

Идеи терпения, счастья и любви появляются и в более ранних стихотворениях Жуковского. Например, отрывок из стихотворения «Путешествие жизни» (1813):

Кто б отрадными устами

Нам «терпение» сказал?

Кто б нас братскими руками

Утомленных поддержал? (ПССиП. Т. 1. С. 270).

Le mot préjugé en est aussi la définition: opinion qui précède le jugement, une opinion fautive, mais ayant tout le caractère de la vérité parce qu'elle est accréditée par le consentement général, affermie par l'habitude et par là devenue inviolable.

On s'y soumet parce qu'on est membre de la société qui la protège; mais ce devoir ne regarde pas le citoyen – il est nul pour l'homme qui n'a d'autre règle de conduite, que sa conscience et la volonté de l'Être Suprême, toujours claire et jamais douteuse.

Les préjugés sont produits ou par la nécessité ou par un concours fortuit de circonstances – tous ils sont nés dans le berceau de la Société, mais tous ont survécu à cette nécessité et à ces circonstances, qui leur ont donné l'être: l'habitude prolonge leur existence; devenus inutiles, ils deviennent pour la plupart nuisibles ou ridicules, mais on les tolère, on n'ose y toucher, crainte de profaner leur antiquité sacrée. Il est réservé au seul temps de les anéantir dans sa marche insensible: les arracher avec force, quand leurs racines sont encore profondes, serait bouleverser le sol auquel ils tiennent. Mais plus la société se perfectionne, plus ils deviennent rares: ils sont comme les herbes sauvages, qui disparaissent à mesure que le soc du laboureur cultive la terre.

On peut distinguer deux sortes de préjugés. Les uns peuvent être appelés nécessaires parce que sans être une loi pour chacun en particulier – ils maintiennent l'ordre général: tel est par exemple le préjugé des duels, sorte de police conventionnelle, qui aurait été bienfaisante si elle était bien réglée. Les autres n'existent que dans la seule opinion, ne se conservent que par leur ancienneté et ne sont protégés que par l'habitude. On peut les comparer à un vieux chêne, dont les racines sont pourries, qui ne se soutient que par son seul poids et qui tomberait au moindre choc, malgré une apparence de force et de vigueur. On ne peut se soustraire aux uns sans rompre entièrement avec la Société, il est louable de ne pas être assujéti aux derniers, qui ne sont que des erreurs, avilissantes pour la noble raison de l'homme. Les premiers me paraissent toujours plus ou moins fondés sur la nature et par cette raison ils doivent subsister aussi longtemps que la Société, les derniers – épouvantables, imaginés pour dominer la société dans son enfance, mais devenus sa risée du moment qu'elle a commencé à mûrir – étant toujours contraires à la nature comme à la raison, n'existaient que pour les fanatiques et ne sont bons qu'à nous barrer le chemin du bonheur. Plus la Société s'éclaire, plus ces fantômes, qui l'effrayaient dans ses ténèbres, s'évanouissent. Parcourez les siècles mitoyens – vous les verrez inondés de maux, dont nous n'avons aucune idée, et la plupart de ces maux ont été produits par les préjugés.

A présent venons à notre question: faut-il par amour pour l'objet aimé, c'est-à-dire pour son bonheur, sacrifier ses préjugés?

D'abord nous poserons un principe qui ne souffre aucune exception: on sacrifie tout au bonheur de ce qu'on aime, excepté la vertu.

A présent, mettons dans la balance: ici le préjugé, là le bonheur de l'objet aimé. – De quel côté notre devoir penche-t-il la balance?

De ce côté: blâme de la Société: de l'autre: malheur de ce qu'on aime. Choisissez.

Mais pouvez-vous rester un moment indécis? Comment? Le blâme de la Société peut-il vous toucher, s'il est injuste? Et il l'est puisque vous ne sacrifiez qu'une erreur. Aurez-vous jamais le courage de préférer le malheur accablant d'être justement accusé par votre cœur au malheur méprisable de l'être injustement par les indifférents, qui sont ou prévenus ou aveugles ou trop loin de vous pour pouvoir vous comprendre et prononcer un arrêt infaillible?

Ces sacrifices – toujours approuvés par la vertu puisqu'ils demandent de la force et de la grandeur dans l'âme – auraient été beaucoup plus fréquents et surtout beaucoup plus faciles si on avait toujours le courage de se fier à son cœur et de consulter sans prévention la simple raison. Mais on craint de s'aventurer dans les ténèbres qui entourent certaines idées – on les respecte ces ténèbres sacrées: on croit y trouver une divinité et on n'y trouve qu'un monstre. Cette faiblesse pusillanime produit une sorte de fermeté. Ce n'est qu'après avoir été effrayé par l'erreur que nous acquerrons le courage nécessaire pour détruire tout ce qui nous est le plus cher, et notre âme doit être pour ainsi dire paralysée pour avoir l'immuabilité de la force.

J'ai dit que pour vaincre un préjugé il faut avoir de la grandeur et de la fermeté. Eh bien! cette grandeur et cette fermeté résident toujours dans l'âme sensible, qui aime, et elles se découvriront dans toute leur puissance, quand elle sera réduite à se décider entre la perte d'une erreur et la perte de l'objet chéri. Quelle lumière plus pure et quelle force plus grande que cette sensibilité, qui nous illumine et nous saisit tout d'un coup et nous transporte dans un clin d'œil vers notre but, vers lequel la raison nous traîne à pas lents: la vérité qu'elle nous dévoile dans tout son beau. La sensibilité est une inspiration, ses jugements sont des prophéties qui ne nous trompent jamais. Comment? Le qu'en dira-t-on défectueux pourrait-il influencer sur les décisions d'une âme grande et pure? Il existe pour elle un tribunal plus sacré et toujours infaillible: c'est le tribunal de la conscience – et Dieu seul y préside, non ce Dieu, que nous rendons si

cruel en le faisant complice de nos jugements absurdes, mais celui qui nous a donné un cœur et qui nous a dit: Soyez heureux, car être heureux c'est être bon et celui qui est bon est digne de moi. Eh ben! auprès de ce tribunal sublime peut-on penser aux hommes, juges aveugles et cruels? En entendant cette voix paternelle et consolante peut-on être intimidé par les imprécations méprisables de ces êtres indifférents, qui nous blâment par oisiveté et qui sans savoir ce qu'ils font renversent en passant l'édifice de notre bonheur?

Plus la Société où nous vivons est éclairée, plus le sacrifice de nos préjugés nous devient facile, car le nombre de nos approbateurs s'y multiplie à mesure. Si au contraire vous êtes entouré de fanatiques qui ne voient rien au delà de leurs étroites habitudes – vous êtes accablé par leur force, et il vous est plus difficile de secouer ce joug avilissant. Mais dans tous les cas, pour une âme élevée, il n'y a de juges que ceux qui peuvent la comprendre. Les autres doivent rester dans la foule. Elle se détache sans effort de cette foule bruyante, elle se choisit son cercle et n'y existe que pour ce qu'elle aime. C'est par le bonheur qu'elle goûte, c'est par le bonheur qu'elle donne, qu'elle sanctifie ses actions. Le bruit des jugements du monde ne trouble jamais cette enceinte sacrée, où l'on n'entend que la douce voix du cœur, où l'on jouit en présence de l'Être Suprême, où l'on est bien avec soi parce qu'on est bien avec la vertu.

Plus le sacrifice nous coûte, plus il est grand de le consommer quand on aime... oui! quand on aime! Il ne s'agit ici que de cela. Point d'amour – point de sacrifice. Le cœur reste froid, l'on prononce avec calme le jugement fatal et l'on passe sans jeter un regard de pitié sur sa victime; qu'elle périsse – n'importe! on est tranquille. Hélas! on est content, persuadé d'avoir rempli un devoir sacré – et l'on n'a été que cruel et aveugle. Au moins l'insensibilité peut ici servir d'excuse. Mais qui pourra jamais excuser une âme sensible, une âme élevée et tendre, qui cherche elle-même à étouffer la voix protectrice qui lui crie en faveur de ce qu'elle aime? Comment expliquer son aveuglement? Quel nom donner à son indifférence? ... Oh! qu'ils sont haïssables ces préjugés destructeurs qui peuvent dénaturer même une belle âme! qui lui donnent une cruauté factice, qui anéantissent en elle la pitié, qui la forcent même à se glorifier des malheurs qu'elle fait! Hélas! sans réfléchir, sans balancer un instant, armé d'une erreur cruelle, on détruit d'un seul mot le bonheur de toute une vie. Le préjugé fatal rend même incapable de réflexion – l'arrêt est prononcé sans examen et d'avance on est sûr qu'il est juste. On ouvre l'abîme du malheur à ce qu'on aime et l'on croit honorer la vertu! On se

console d'avance des tourments dont on est cause! On reste spectateur paisible en présence de sa malheureuse victime, qui est là abattue, redoutant son avenir, dégoûtée de son existence, privée de toutes les forces de son âme, incapable ni de chercher, ni même de désirer le bonheur... Et si l'on a le malheur de se réveiller de son assoupissement et de se réveiller trop tard – quand tout est fini, quand on n'a plus la puissance d'accorder ce bonheur, qu'on a refusé... quand il n'y aura plus à qui le donner!.. Quel réveil!

Mr. Joukoffsky.

Перевод:

Третье заседание Академии нахально любопытных

Ответ 15

Девиз: Терпение

Чтобы ответить на предложенный вопрос, нужно сначала определить, что понимают под словом предрассудок. Тогда будет легче ответить, может ли предрассудок встать на одну чашу весов с любовью или любимым человеком.

Слово предрассудок по своей сути само является определением: мнение, предшествующее рассудку, мнение ошибочное, но имеющее все признаки правды, потому как поддерживается общим согласием, закреплено привычкой и тем самым сделавшееся неприкосновенным.

Мы ему подчиняемся, потому что являемся членами общества, которое его хранит. Но это уважение не относится к гражданину – оно недействительно для человека, имеющего только одно правило поведения – свою совесть и всегда ясную и решительную волю Всевышнего.

Предрассудки рождены либо необходимостью, либо случайным стечением обстоятельств. Все они зародились в колыбели Общества, но все они пережили эту необходимость и обстоятельства, давшие им существование: привычка продлевает их жизнь; став бесполезными, они делаются для большинства вредными или смешными, но их терпят и не осмеливаются на них посягать из страха осквернения их священной древности. Только время сохранило право их уничтожить в своем незаметном течении: вырвать их с силой, когда корни

еще крепки, значило бы разрушить почву, на которой они держатся. Но чем больше совершенствуется общество, тем более редкими они становятся: они как дикие травы, которые исчезают по мере того, как хлебопашец возделывает землю.

Можно выделить два вида предрассудков. Одни могут быть названы необходимыми, потому что, не являясь законом для каждого в частности, они поддерживают общий порядок: таков, например, предрассудок против дуэлей, вид условного соглашения, которое могло бы быть благотворным, если бы было хорошо организовано. Другие существуют лишь в мыслях, хранятся только из-за своей древности и защищены всего лишь привычкой. Их можно сравнить со старым дубом со сгнившими корнями, поддерживаемым своим весом и упавшим бы при малейшем ударе, несмотря на видимость силы и крепости. Невозможно избавиться от первых, не порвав полностью с Обществом. Похвально не подчиняться последним, являющимся всего лишь заблуждениями, постыдными для благородного человеческого разума. Первые мне кажутся более или менее естественными, и по этой причине они должны существовать так же долго, как само Общество; вторые – ужасными, изобретенными для господства в Обществе при его зарождении, но ставшие насмешкой в момент его созревания. Неизменно противореча природе и здравому смыслу, они существовали для фанатиков и хороши лишь для того, чтобы преградить нам путь к счастью. Чем больше просвещается Общество, тем быстрее исчезают эти призраки, которые пугали его в потемках. Посмотрите на Средние века – они наполнены бедами, о которых мы ничего не знаем, и большая часть этих бед была причинена предрассудками.

Теперь вернемся к нашему вопросу: нужно ли из-за любви к дорожному тебе человеку, то есть ради его счастья, жертвовать своими предрассудками?

Для начала установим принцип, который не допускает исключений: мы жертвуем всем, кроме добродетели, ради счастья того, кого любим.

Теперь сравним: с одной стороны, предрассудок, а с другой – счастье любимого человека. – На какую сторону наш долг склоняет чашу весов?

С одной стороны, неодобрение Общества, с другой – несчастье любимого. Выбирайте.

Но можете ли вы на какой-то момент остановиться в нерешительности? Как? Может ли неодобрение Общества вас тронуть, если

оно несправедливо? А оно таковым и является, потому как вы приносите в жертву лишь заблуждение. Наберетесь ли вы когда-нибудь смелости и предпочтете тягостное несчастье быть справедливо осужденным вашим сердцем достойному презрения несчастью быть напрасно осужденным равнодушными людьми, которые либо настроены против, либо слепы, либо слишком далеки от вас и не могут вас понять и вынести верный приговор?

Эти жертвы – одобренные благодетелью, потому как требуют силы и величия души – были бы более частыми и, самое главное, более легкими, если бы мы имели смелость довериться своему сердцу и беспристрастно прислушиваться к простому благоразумию. Но мы боимся пускаться в потемки, окружающие некоторые идеи, – мы их уважаем, эти священные потемки: мы думаем найти там божественность, но находим лишь монстра. Эта малодушная слабость порождает некоторую твердость. Только испугавшись заблуждения, мы приобретаем необходимую силу, чтобы разрушить все, что нам дорого, и наша душа должна быть, если можно так сказать, парализована, чтобы быть незыблемо сильной.

Я сказал, чтобы побороть предрассудок, нужно иметь величие и стойкость. Ну что ж! Это величие и эта стойкость всегда заключены в чувствительной и любящей душе, и они раскроются во всей своей мощи, когда ей придется выбирать между потерей заблуждения и потерей любимого человека. Есть ли свет чище и сила больше, чем эта чувствительность, которая нас освещает, внезапно охватывает и переносит в одно мгновение к нашей цели, к которой здравый смысл тащит медленным шагом: это истина, которую она нам раскрывает во всей своей красе. Чувствительность является вдохновением, ее суждения есть пророчества, которые нас никогда не обманывают. Как? Сможет ли уродливое что станут говорить? повлиять на решения великой и чистой души? Для нее существует суд более священный и непреложный: это суд совести – и только Бог там правит; не тот Бог, которого мы представляем таким жестоким, делая его соучастником наших нелепых суждений, но тот, который нам дал сердце и сказал: Будьте счастливы, потому что быть счастливым – значит быть благим, а тот, кто благ, достоин меня. И что же! После этого высокого суда можно ли думать о людях, слепых и жестоких судьях? Слыша этот отеческий и утешающий голос, можно ли испугаться достойных презрения проклятий этих равнодушных существ, которые нас осуждают из-за праздности и которые, не ведая что делают, рушат мимоходом наше счастье?

Чем просвещеннее Общество, в котором мы живем, тем легче пожертвовать предрассудками, так как число ободряющих нас постепенно увеличивается. Напротив, если вы окружены фанатиками, которые не видят ничего за пределами своих узких привычек, – вы подавлены их силой и вам труднее стряхнуть это унижительное ярмо. Но во всех случаях для возвышенной души не существует судей, кроме тех, что могут ее понять. Другие должны оставаться в толпе. Без усилий она отделяется от этой шумной толпы, сама выбирает свой круг и существует там только для того, что любит. Счастье ее призывает наслаждаться, дарить и освящать свои поступки. Шум людских суждений никогда не тревожит это священное место, где слышен только тихий голос сердца, где царит наслаждение жизнью в присутствии Всевышнего, где хорошо с самим собой, потому что хорошо с добродетелью.

Чем дороже для нас жертва, тем важнее ее совершать, когда любишь... да! Когда любишь! Речь идет именно об этом. Нет любви – нет жертвования. Сердце остается холодным, мы спокойно произносим роковой приговор и проходим мимо, не удостоив жертвы взгляда сожаления; пусть она погибнет – не важно! Мы спокойны. Увы! Мы довольны и убеждены, что выполнили священный долг – а мы были лишь жестоки и слепы. Только бесчувственность может служить здесь прощением. Но кто когда-либо сможет простить чувствительную душу, душу возвышенную и нежную, которая сама пытается заглушить покровительственный голос, кричащий ей в защиту того, что она любит? Как объяснить его слепоту? Какое имя дать его безразличию?.. О! как отвратительны эти губительные предрассудки, которые могут обезобразить даже красивую душу! которые ей придают неестественную жестокость, которые подавляют в ней жалость, которые ее даже принуждают гордиться несчастьями, которые она причиняет! Увы! Мы не раздумывая, не колеблясь ни одной секунды, вооруженные лишь жестоким заблуждением, одним словом разрушаем счастье целой жизни. Роковой предрассудок делает нас неспособными к размышлению – приговор произнесен без обсуждения, и мы заранее уверены, что он справедлив. Мы раскрываем пропасть несчастья перед тем, кого любим, и мы верим, что чтим добродетель! Мы утешаем себя заранее за муки, причиной которых явились! Мы остаемся спокойными наблюдателями в присутствии нашей несчастной жертвы, поверженной, страшющейся будущего, испытывающей отвращение к своему существованию, лишен-

ной всех душевных сил, неспособной ни искать, ни даже желать счастья... А если мы на беду пробудимся и выйдем из дремоты, но пробудимся слишком поздно – когда все кончено, когда нет больше сил даровать это счастье, в котором мы отказали ... когда больше не будет никого, кому его даровать!.. Какое пробуждение!

Жуковский

№ 4

Qu'est-ce qui vaut mieux pour le bonheur: une vive sensibilité et des sentiments exaltés ou une raison calme et saine, un caractère froid et égal.

Ma sœur, si vous ne dormez pas, contez-moi un de ces contes que vous contez si bien.

Le soleil était prêt à se coucher. J'étais assis sur la petite terrasse de Tchern qui ornée de ces jolis petits <нрзб.> qui ne font du bruit que quand on est très gai et je méditais à mon aise sur la question proposée par notre académie.

Voyons! – me disais-je, – que voulez de moi illustres curiosités et respectables impertinents? Epluchons votre question! Vous exigez que je choisisse entre la sensibilité et la froideur? Si je vous déclarais que je ne voulais ni de l'un ni de l'autre, vous me ririez au nez, vous me diriez que vous savez mieux que moi qu'en tout un milieu est préférable, que la modération est le trésor du sage, et que je ne suis qu'un sot avec ma réponse négative. Me voilà donc mes bons amis bien embarrassé. Je me trouve dans la pauvre situation du défunt Pâris, que l'on a désigné pour donner la pomme de la beauté à une de trois déesses de l'Olympe. Par bonheur je n'ai devant moi que deux déesses, Vénus – sensibilité et Minerve – froideur. Une femme à prétention Vénus c'est beauté. L'une avec sa mine animée et charmante, comme elle me regarde. Quels feux dans ses yeux, quel charme dans tous ses mouvements. Elle me touche de sa baguette magique et tout change devant mes yeux; je vois un autre univers – milles beautés, que je ne remarquais pas auparavant, se découvrent à mes sens animés: le beau ciel me transporte d'admiration; le murmure des eaux, le chant des oiseaux, le calme de la nuit, le silence des bois, tout se remplit pour moi de cette vie enchanteresse qui me remplit moi-même. Je trouve dans la voix suppliante du malheur une harmonie qui m'entraîne, j'admire avec ravissement la beauté; mon cœur suffit à peine aux sentiments délicieux de l'amitié, de l'amour, de la reconnaissance! Je suis attaché au passé par des souvenirs ineffaçables; et le

présent embelli par mon imagination, se lie avec un avenir... Ma main se soulève d'elle-même pour donner la pomme à la déesse ... mais quoi? ... quel est ce terrible fantôme qui s'approche d'elle à pas de géant? Il la saisit, jette sur elle un voile noir et la voilà disparue. Hélas! c'est le malheur – tout a péri sous sa main! Où sont-ils ces beaux rêves qui embellissaient pour moi la nature? Amour – tu n'es que souffrance! attachement à l'humanité – tu n'es que douleur! Eloignez-vous, souvenirs du passé, vous n'êtes que de regrets désespérants! Le présent – oh! qu'il se traîne lentement! Et toi, trompeur avenir – quels monstres se meuvent dans ton abîme impérissable! Je n'y entrevois qu'une seule espérance, qui me console, elle est l'affreuse espérance de la mort. Ma main tombe... je baisse douloureusement la tête, en ce moment mon autre déesse s'approche de moi, avec son air calme et son regard paisible. – Cette brusque guérison a été pour moi un sentiment délicieux. Par reconnaissance j'ai voulu donner la pomme à mon céleste médecin; mais un baillement involontaire a interrompu le compliment que j'ai voulu lui adresser et je m'endormis profondément avant de prononcer mon arrêt. Le jour commençait à joindre quand je me réveillai. Le soleil paraissait sur l'horizon et les fleurs du parterre, couverts de la rosée du matin exhalaient leurs parfums en l'honneur de la nature qui les a créées et de Monsieur Boucquillon^{VIII} qui les arrose et ne les donne à personne.

Mais ce beau spectacle ne me touchait guère – ma question n'était pas encore résolue et je tremblai en pensant à cet inflexible président dont la voix fait rougir le tonnerre et les regards enragent les éclairs! Je voyais déjà les nuages de la colère s'amorcer sur ce front couvert du bonnet de l'indignation, et des dentelles du sarcasme!^{IX} Tombez sur moi, montagnes!, m'écriai-je, saisi d'effroi...

Tout à coup, j'entends une douce voix semblable au bourdonnement d'une abeille... Je regarde... Je ne vois personne... Je m'approche de l'endroit d'où partait la voix... Je vois une goutte de rosée, tremblante sur une feuille du laurier rose. C'est de là que venait cette voix... et j'entendis distinctement ces mots:

Ecoute-moi, pauvre raisonneur. Je te dicterai ta réponse.

Une telle proposition de la part d'une goutte de rosée me choqua d'abord. Mais je pensai à Newton à qui une pomme en tombant a découvert le système du monde – et je consentis à écouter les leçons de ma petite goutte, qui ne tombait pas et parlait assez élégamment.

Premièrement il faut que je te dise qui je suis. Je m'appelle en langage de là-haut Zempusy-que-qua-Zy-zy – cela veut dire ici bas celui

qui n'est pas encore né. Je suis une âme humaine, un candidat d'existence.

Ce beau soleil que tu vois paraître à l'orient commençait à percer l'obscurité de la nuit par ses premiers rayons, quand le génie qui préside à la naissance des humains, me trouva dans les espaces du vide et me dit ces mots: écoute, aimable Zempusy-que-qua-Zy-zy, j'ai pour toi une amitié particulière et je veux te rendre un service essentiel. Demain tu dois commencer ton existence sur cette boue qu'on appelle terre. Mais je veux que tu saches auparavant par la voie d'expérience ce que c'est qu'exister et que tu choisisses après librement ou de la vie ou du néant. J'y mets seulement une condition: tu dois choisir pour ton paquet de voyage terrestre ou la parfaite sensibilité ou la parfaite indifférence. Voistu cette goutte de rosée qui vient de s'arrondir sur cette feuille du laurier rose – elle sera ton univers pour quelques instants. Tu y existeras deux fois – l'une, doué d'une vive sensibilité, l'autre doué de la plus froide indifférence et les circonstances seront les mêmes. Adieu Zempusy-que-qua-Zy-zy; sois raisonnable; réfléchis mûrement. Ton choix décidera pour toute l'éternité!...»...

Me voilà blotti dans ma goutte de rosée et mon existence expérimentale commence. Je nais avec une sensibilité vive. Mais enfin pardonnez illustres curiosités et très aimables impertinences – je ne suis pas assez impertinent pour vous croire curieux d'entendre toutes les aventures du citoyen de la goutte de rosée!.. Je vous avoue que ces aventures sont surprenantes; mais le temps me manque. J'ai écrit pour moi le sommaire des chapitres de cette histoire merveilleuse et vous la lirez un jour. Elle sera divisée en deux parties: l'une aura le titre de sensibilité; l'autre celui d'indifférence. Chacune de ces deux parties aura trente volumes et l'ouvrage entier 60. Le nombre des chapitres de chaque partie est 1250. Pour vous donner une idée de cet ouvrage, qui est ainsi une espèce de Zempusy-que-qua-Zy-zy, je choisis les chapitres 625, chaque dernier de chacune des parties, ceux qui traitent de l'amour et cela suffira en même temps pour résoudre la question académique. Et je vous préviens que je raconterai en abrégé ce qui sera bien détaillé dans mon ouvrage.

...Oh! quel être que cette aimable et douce Malvina – continua l'habitant de la goutte – Je trouvais dans mon attachement pour elle une nouvelle existence, plus vive, plus chère. Je jouissais de la vie, en pensant qu'elle existe et qu'elle existe pour moi. Oh! que la nature était belle à mes yeux, enchantée par sa présence! Son image bienfaisante était mon

compagnon inséparable – je l’aimais par le souvenir de mes plus belles années de ma vie, consacrées uniquement à elle, et par le présent qui n’était pour moi que mon amour et par les rêves délicieux qui m’entraînaient dans les vagues de l’avenir et me la montraient sous l’image enchanteresse de l’espérance. Oh! il n’y avait pas de vide dans mon existence! ... Je me trouvais heureux. Songe tranquille! Je l’ai perdue... Et c’est alors que j’ai commencé à maudire cette sensibilité qui m’avait rendu autrefois si heureux. Dans la même coupe, qu’elle remplissait jadis pour moi du breuvage du bonheur elle me présenta un poison meurtrier. Elle-même détruisit impitoyablement ses propres bienfaits et les mêmes moyens qu’elle employa pour construire mon bonheur, lui ont servi pour l’anéantir. C’est elle qui fut alors mon persécuteur implacable. En vain essayer de lutter contre mon ennemi – mes efforts ne servaient qu’à m’abattre; mes forces s’épuisaient; détaché de tout, aigri contre la vie, j’étais résolu de la finir – et déjà ma main avait saisi l’arme fatale... Tout à coup tout change! Je redeviens enfant – je me trouve tranquillement endormi dans un berceau. – et ma seconde existence bien calme et bien froide va commencer.

Avec votre permission, je passe les 624 chapitres de la seconde partie et je m’arrête au dernier...

Je fumais tranquillement ma pipe – continua Zempuzy-que-qua-Zy-zy – et je discutais avec mon intendant sur les moyens d’enrichir mes biens et de tripler mes revenus... Tout à coup mon homme me dit: Qu’elle est belle cette terre que possède votre voisin! – Cela m’inspire. Mon voisin, me dis-je – est un bon vieillard très aisé à vivre. Sa fille Malvina est jeune – caractère doux et sage – cela peut faire une bonne femme. Je prends une feuille de papier – et je mets en chiffres d’un côté les avantages, et de l’autre les désavantages de mon union avec Malvina. – Je compare les deux totales; celui des avantages l’emporte – je m’habille, je fais atteler mon carrosse anglais, je vais trouver mon voisin, je me propose, on m’accueille et dans quinze jours je suis marié. Le lendemain de mes noces je pars pour une terre éloignée. C’était indispensable! Je devais sans aucun refus construire un moulin; dont moi-même j’ai fait le plan car je suis bon caractère – et je laisse Malvina avec son père. Mon voyage a duré deux semaines. Je reviens – au lieu d’une femme et d’un beau-père je trouve dans ma maison deux cercueils très élégants – c’étaient ceux de Malvina et de son père, la première a été emportée par une fièvre violente et le dernier n’a pas pu survivre à sa fille^X. Mon premier soin fut de les enterrer, mon second de me faire un habit de deuil, mon troisième de les

quitter et mon quatrième d'ordonner qu'on attelle mon carrosse anglais – je voulais faire une visite à mon autre voisin, qui avait une jeune fille, aussi jolie et douce que Malvina, et par conséquent aussi capable d'être bonne femme. Mais au moment où je montais dans ma voiture – tout disparut... je me retrouvais dans ma goutte de rosée, sur ma feuille du laurier rose et le disque du soleil commençait déjà à paraître sur l'horizon. Une voix que je reconnus être celle de mon génie, me dit:

...Ton songe est fini – à présent il s'agit de choisir. Compare et prononce. Je te laisse pour réfléchir tout le temps qu'existera cette goutte brillante – sitôt qu'elle est disparue tu commenceras ton existence sur la terre ou tu seras anéanti pour l'éternité.

Eh bien mon ami, ajoute Zempusy-que-qua-Zy-zy, ce terme donné par le génie est encore trop long. Je n'ai pas hésité un seul moment à prononcer: j'ai choisi le néant et dans feu je finirai pour jamais. Exister avec une sensibilité excessive aurait été payer trop cher quelques moments fugitifs de bonheur; être indifférent et impassible – cela vaut-il du peine d'exister. Me voilà donc prêt à partir avec ma petite goutte. Mais je veux avant te déclarer ma pensée: s'il fallait absolument exister et choisir entre la sensibilité et l'indifférence, je choiserais sans hésiter la première. La sensibilité n'est pour nous une source de malheurs que quand le sort nous persécute: elle devient alors sa complice. Mais toujours la raison peut la maîtriser jusqu'à un certain point; d'ailleurs même en nous accablant elle nous anime – souffrir c'est exister. Avoir de regrets, c'est avoir eu des jouissances. On ne parvient au désespoir que par le chemin du bonheur. Si même on n'a pas la force de soutenir sa destinée, si on se résout enfin à déchirer les liens de la vie – on les déchire avec peine, car cette vie n'a pas été sans joie; et on se détache avec effort de ces rêves qui nous ont si délicieusement trompés – on l'abandonne mais on la regrette. L'indifférence, au contraire, n'a pas de remède – l'être froid et insensible est marqué, au moment de son entrée dans le monde du décan de la reprobation, qui le bannit de la société des hommes; il est seul au milieu des citoyens de cet univers – et le ciel et la terre sont pour lui de déserts immenses; il est détaché du passé, il végète dans le présent, il n'espère rien de l'avenir. Exister ne veut dire pour lui que passer du néant de la vie au néant de la mort. Ainsi...»

Mais dans ce moment le soleil se leva dans tout son éclat... Je n'entendais pas la voix... Je regardai... La petite goutte de rosée n'était déjà plus, je ne vis que la feuille du laurier rose, que le zéphir du matin agitait doucement.

Перевод:**№ 4**

Что лучше для счастья: живая чувствительность и пылкие чувства или спокойный и здравый рассудок, холодный и ровный характер.

Сестрица, если вы не спите, расскажите мне одну из этих сказок, которые вы так хорошо рассказываете.

Солнце почти село. Я сидел на маленькой террасе в Черни, украшенной маленькими красивыми <нрзб.>, которые шумят только когда очень весело, и спокойно размышлял о вопросе, предложенном нашей академией.

«Посмотрим!» – говорил я себе, – что же вы хотите от меня, блистательные любопытные и почтенные нахалы? Разберем ваш вопрос! Вы требуете, чтобы я выбрал между чувствительностью и холодностью? Если бы я заявил, что не желаю ни одного, ни другого, вы бы мне рассмеялись в лицо; вы бы сказали, что знаете лучше меня, что середина предпочтительнее, что умеренность есть богатство мудреца и что я выгляжу глупцом со своим отрицательным ответом. Стало быть, мои добрые друзья, я в затруднении. Я нахожусь в положении покойного Париса, которого избрали, чтобы он отдал яблоко одной из трех богинь Олимпа. К счастью, передо мной только две богини. Венера – чувствительность и Минерва – холодность. Женщина, считающая себя Венерой, – это красота. Она смотрит на меня оживленно. Сколько огня в ее глазах, сколько очарования во всех ее движениях. Она касается меня своей волшебной палочкой, и передо мной все меняется. Я вижу другой мир – тысячи красот, которых я не замечал ранее, открываются моим разбуженным чувствам: красивое небо меня восхищает; журчание воды, пение птиц, спокойствие ночи, молчание лесов – все наполняется для меня этой чарующей жизнью, наполняющей и меня самого. Я нахожу в умоляющем голосе несчастья увлекающую меня гармонию, я с восхищением люблю красоту; моего сердца едва хватает дивным чувствам дружбы, любви, признательности! Я связан с прошлым неизгладимыми воспоминаниями, а настоящее, украшенное моим воображением, соединяется с будущим... Моя рука сама поднимается, чтобы отдать яблоко богине... но что же?.. что это за ужасный призрак, приближающийся к ней гигантскими шагами? Он ее хватается, накидывает на нее черную вуаль, и вот ее уже нет. Увы! это несчастье –

все погибло в его руках! Где эти прекрасные мечты, которые украшали для меня природу? Любовь – ты всего лишь страдание! Привязанность к людям – ты всего лишь боль! Уходите, воспоминания о прошлом, вы всего лишь приводящие в отчаяние сожаления! Настоящее – ох! как медленно оно влачится! А ты, обманчивое будущее, какие монстры обитают в твоей нетленной бездне! Я ощущаю в ней лишь одно упование, которое меня утешает, это ужасное упование на смерть. Моя рука падает... я горестно опускаю голову; в эту минуту моя другая богиня со спокойным видом и мирным взором подходит ко мне. Это внезапное излечение явилось для меня восхитительным чувством. Из благодарности я хотел дать яблоко моему небесному исцелителю, но невольная зевота прервала комплимент, который я хотел ей сказать, и я глубоко заснул, прежде чем произнести свой приговор. Когда я проснулся, уже начинался день. На горизонте восходило солнце, и цветы с цветников, покрытые утренней росой, расточали свой аромат в честь природы, которая их сотворила, и в честь господина Букильона¹, который их поливает и никому не отдает.

Но этот прекрасный вид меня почти не трогал – мой вопрос все еще не был разрешен, и я затрепетал, подумав об этом неумолимом председателе, чей голос заставляет краснеть гром, а взгляд приводит в ярость молнию! Я уже видел, как гневные тучи появляются на этом челе, покрытом колпаком негодования и кружевами сарказма!² Падите на меня, горы! – вскричал я, охваченный ужасом...

Внезапно я слышу тихий голос, похожий на жужжание пчелы... Смотрю... Никого не вижу... Подхожу к месту, откуда доносился голос... Вижу каплю росы, дрожащую на розовом лавровом листе. Именно оттуда слышался голос... и я отчетливо услышал следующие слова:

Послушай меня, несчастный болтун. Я тебе подскажу твой ответ».

Такое предложение со стороны капли росы сначала меня поразило. Но я подумал о Ньюtone, которому упавшее яблоко открыло устройство мира – и я согласился послушать уроки моей маленькой капли, которая не падала и говорила довольно изящно.

¹ Осип Петрович Букильон – управляющий имением Плещеевых. К нему обращено стихотворение Жуковского на французском языке 1814 г. См.: ПССиП. Т. 1. С. 355, 713. Примеч. и перевод О.Б. Лебедевой).

² Здесь имеется в виду А.А. Плещеев. По всей видимости, именно он являлся председателем «Академии», как хозяин имения, в котором проходили ее заседания.

«Для начала я скажу тебе кто я. На высшем языке меня зовут Зампюзи-ко-ка-Зи-зи – что в этом мире значит тот, кто еще не родился. Я человеческая душа, кандидат на существование.

Это прекрасное солнце, которое сейчас встает на востоке, начало пронзать сумрак ночи своими первыми лучами, когда гений, руководящий рождением людей, нашел меня в пространствах пустоты и сказал мне эти слова: послушай, любезный Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, я к тебе испытываю особую дружбу и хочу тебе оказать важнейшую услугу. Завтра ты должен начать жизнь в этой грязи, которая зовется землей. Но я хочу, чтобы ты заранее узнал на своем опыте, что такое существовать, и чтобы ты затем сам выбрал либо жизнь, либо небытие. Я ставлю только одно условие: ты должен выбрать для своего земного багажа либо полную чувствительность, либо полное безразличие. Видишь эту каплю росы, которая только что созрела на этом розовом лавровом листе – она будет твоей вселенной на несколько мгновений. Ты будешь в ней жить два раза: один – наделенный сильной чувствительностью, другой – наделенный самым холодным безразличием, а обстоятельства будут одинаковы. Прощай Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, будь благоразумен, рассуждай зрело. От твоего выбора зависит целая вечность!»...

И вот я сижу в моей капле росы, и начинается мое пробное существование. Я рождаюсь с пылкой чувствительностью. Но прости меня, блистательные любопытные и любезнейшие нахалы, я не так нахален, чтобы считать вас достаточно любопытными для прослушивания всех походов жителя капли росы!.. Я вас уверяю, что эти похождения удивительны, но у меня мало времени. Я написал для себя содержание глав этой чудесной истории, и вы ее однажды прочтете. Она будет разделена на две части: одна будет называться чувствительностью, а другая безразличием. Каждая из этих двух частей будет иметь тридцать томов, а весь труд 60. Число глав каждой части 1250. Чтобы дать вам представление об этом труде, которое является в некотором роде Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, я выбрал 625-е главы, последние из каждой части, те, которые рассказывают о любви, и этого в то же время хватит для разрешения вопроса академии. Я вас предупреждаю, что буду коротко рассказывать то, что будет пространно в моем труде.

«...О! Что за существо эта милая и нежная Мальвина¹, – продолжил обитатель капли. – Я находил в моей привязанности к ней новую жизнь, более пылкую, более дорогую. Я наслаждался жизнью, думая, что она живет, и что живет для меня. О! как прекрасна была в моих глазах природа, околдованная ее присутствием! Ее благотворный образ был моим неизменным спутником – я ее любил по воспоминаниям о самых прекрасных годах своей жизни, посвященных только ей, и в настоящем, которое было для меня только моей любовью, и в сладостных мечтах, которые увлекали меня в неопределенность будущего и изображали мне ее в пленительном образе надежды. О! в моем существовании не было пустоты!... Я был счастлив. Спокойная мечта! Я ее потерял... И тогда я начал проклинать эту чувствительность, которая делала меня ранее таким счастливым. В этом же кубке, который прежде наполняла она для меня напитком счастья, она поднесла мне смертоносный яд. Она сама безжалостно разрушила свои собственные благодеяния, и те же средства, которые употребляла она для создания моего счастья, послужили ей для его уничтожения. С тех пор она стала моим неумолимым преследователем. Бесполезно пытаться бороться против моего врага – мои попытки лишь ослабляли меня; силы мои иссякали; отрешенный от всего, озлобленный на жизнь, я решил покончить с ней – и уже рука моя взялась за смертельное оружие... Вдруг все меняется! Я снова ребенок – спокойно сплю в колыбели. Начинается мое второе, очень спокойное и очень холодное существование».

С вашего позволения я пропускаю 624 главы второй части и останавливаюсь на последней...

«Я спокойно курил свою трубку – продолжил Зампозико-ка-Зизи – и обсуждал со своим управляющим способы увеличения моего

¹ Явная переключка со стихотворением мадам Коттен «Мальвина. Песня» (переведенным Жуковским в 1808 г.). См.: ПССиП. Т. 1. С. 119. Французская поэтесса изобразила Мальвину, умирающую от неразделенной любви. Герой Жуковского, житель капли росы, живет две пробные жизни, в каждой из которых его спутница Мальвина умирает.

Sophie Cottin «Malvina»

Quand Malvina ne t'est plus chère,

Malvina ne veut que mourir...

<...>

Hâte-toi, le trépas s'avance,

Viens voir celle qui t'adoroit...

Перевод

Когда Мальвина тебе более не дорога,

Мальвина хочет умереть...

<...>

Поспеши, приближается кончина,

Иди к той, которая тебя обожала...

состояния и утروения моих доходов... Вдруг мой человек говорит мне: Как прекрасна эта земля, которой владеет ваш сосед! Эта мысль мне понравилась. Мой сосед, – говорю я себе, – добрый зажиточный старик. Его дочь Мальвина молода, обладает мягким и смирным нравом – она может стать хорошей женой. Я беру лист бумаги и перекладываю на цифры с одной стороны преимущества, а с другой – недостатки моего союза с Мальвиной. Сравниваю обе суммы. Сумма преимуществ берет верх – я одеваюсь, приказываю запрячь мою английскую карету и еду к своему соседу; делаю предложение; мне дают согласие, и через две недели я женат. На следующий день после венчания я уезжаю в отдаленные земли. Это было необходимо! Я должен был безо всякого отказа построить мельницу, план которой я сам и составил, так как у меня добрый нрав – и я оставляю Мальвину со своим отцом. Мое путешествие продлилось две недели. Я возвращаюсь – вместо жены и тестя я нахожу в своем доме два очень изысканных гроба – это были гробы Мальвины и ее отца; первая умерла от сильной лихорадки, а второй не сумел пережить свою дочь^X. Моей первой заботой было их похоронить, второй заказать себе траурное одеяние, третьей оставить их, а четвертой приказать заложить мою английскую карету – я хотел нанести визит другому соседу, у которого была молодая дочь, такая же красивая и нежная, как Мальвина, и, следовательно, также способная стать хорошей женой. Но в тот момент, когда я поднимался в свою повозку, все исчезло... я вновь оказался в своей капле росы, на своем розовом лавровом листе, а диск солнца начал уже всходить на горизонте. Голос, в котором я узнал голос моего гения, сказал мне:

«Твой сон окончен, время выбирать. Сравнивай и объявляй. Я оставляю тебя размышлять, пока существует эта сверкающая капля – как только она исчезнет, ты начнешь свою жизнь на земле, или будешь уничтожен навеки.

Итак, друг мой, добавляет Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, срок, данный гением еще слишком долог. Я ни секунды не сомневался в своем решении: я выбрал небытие и останусь в огне навсегда. Жить с непомерной чувствительностью значило бы слишком дорого заплатить за мимолетные мгновения счастья; быть безразличным и бесстрастным – не стоит того, чтобы жить. И вот я готов уйти со своей маленькой каплей. Но до этого я хочу объявить тебе свое мнение: если было бы нужно жить и выбирать между чувствительностью и безразличием, я, не колеблясь, выбрал бы первое. Чувствительность есть для нас

источник несчастий только тогда, когда нас преследует рок: тогда она становится его соучастником. Но здравый рассудок всегда может в какой-то мере ее усмирить; к тому же обременяя нас, она нас оживляет – страдать значит существовать. Иметь сожаления – значит познать наслаждения. Только дорогой счастья можно дойти до отчаяния. Если даже нет сил вынести свою участь, если решено разорвать оковы жизни – рвешь их с болью, так как эта жизнь не была безрадостной. Ты с трудом отказываешься от этих мечтаний, которые так сладко тебя обманули – ты ее покидаешь, но сожалешь о ней. Безразличие, наоборот, не имеет лекарств – холодное и бесчувственное существо рождается под знаком осуждения, который изгоняет его из людского общества. Он одинок среди жителей этого мира – и небо и земля являются для него необъятными пустынями; он оторван от прошлого, прозябает в настоящем и ничего не ждет от будущего. Существовать значит для него лишь перейти из небытия жизни в небытие смерти. Таким образом...»

Но в эту минуту солнце возшло во всем своем сиянии... Я не слышал голос... Я посмотрел... Маленькой капли росы больше не было, я увидел лишь розовый лавровый лист, который тихо качался на утреннем ветерке.

№ 5

En quoi consiste le bonheur du ménage et quel est le moyen le plus sûr d'y parvenir?

Que nous aurions, d'agrément
Dans notre petit ménage,
Tous les jours en nous aimant!
Oh! vive le mariage!

Le plus beau spectacle que la terre puisse offrir au ciel c'est l'intérieur d'un bon ménage! – a dit ou n'a pas dit un certain auteur que je ne connais pas. Il a raison et sans doute il avait une bonne femme, six jolis enfants, était d'un bon caractère, savait placer toutes ses jouissances dans son cercle et content du présent, pensait avec confiance à son avenir, croyant fermement que le Père celeste protège par préférence le bonheur d'un bon époux et d'un bon père.

Oui, charmant inconnu, – je le dirai avec vous^{XI}: s'il y a un endroit sur la terre, où existe le bonheur parfait, c'est au sein d'une famille, unie par la concorde et jouissant des biens de la vie en présence de l'être suprême.

Intérieur du ménage – c'est sur cette scène que se développent les plus nobles qualités de l'âme. On peut choisir un théâtre plus brillant – on peut étonner par la puissance du génie, par l'éclat des talents; on peut être applaudi par une foule nombreuse – l'homme alors paraît entouré d'une lumière imposante qui vous éblouit – élevé sur un brillant échafaudage il vous paraît grand; mais cette grandeur peut aussi appartenir à la place qu'il occupe. Il est trop loin de vous pour être apprécié à sa juste valeur. Détachez de lui tout ce qui n'est pas lui – alors vous pourrez prononcer un jugement équitable.

Tout ce prestige s'évanouit quand l'homme entre dans la paisible enceinte de son ménage – il y entre tel qu'il est; il y est vu de près; il y est jugé sans partialité – il lit son arrêt dans son propre bonheur et dans celui qu'il sait répandre autour de soi. La joie qu'il voit briller dans les regards qu'il rencontre, la tranquillité et l'ordre qui règnent dans sa maison sont autant de témoins qui déposent en sa faveur.

On peut avoir une activité plus étendue, en parcourant la cour de l'honneur et de l'ambition – mais on n'existe, on ne jouit pleinement de la vie que dans son ménage. C'est là qu'on remplit le vrai but de la nature. Tout autre bonheur est produit par la société, est chimérique par ce qu'il est factice. Mais celui-ci est réel – c'est le premier-né de la nature, il est simple comme elle et comme elle il ne nous trompe jamais.

Rien n'est si affreux pour un être sensible que l'isolement. «Il n'est pas bon que l'homme soit seul» – a dit le créateur. C'est une loi immuable. Nous cherchons à nous multiplier dans ceux que nous aimons. Notre bonheur est auprès d'eux; nous les plaçons dans notre perspective; ils sont l'unique but de notre activité – sans quoi point d'activité. L'être isolé est nécessairement borné dans son existence; son âme se dessèche peu à peu; et ne trouvant à qui attendrir sa vie, il s'en fatigue et se flétrit avant le moment suprême.

Au contraire celui qui parcourt le chemin de la vie, entouré de compagnons chéris, qui égaient pour lui ce voyage, souvent si pénible, me présente l'idéal du parfait bonheur. Il savoure en paix le sentiment de son existence, sa sensibilité n'est plus vagabonde – elle est concentrée dans un seul objet; sa pensée – ne s'égaré plus dans les espaces imaginaires – elle est fixée sur une réalité charmante, elle s'exerce sur des objets visibles et toutes ses productions sont utiles. Tous les moments de sa vie ont un but! La récompense suit immédiatement le bien qu'il fait – car son juge est auprès de lui, ce juge équitable, qui le comprend, qui lui facilite le succès et qui l'en fait jouir doublement, car il le partage. Son

âme s'épure et se perfectionne par sa noble activité. Restant toujours dans un heureux équilibre, jamais troublée par l'orage des passions, jamais assoupie par l'indifférence, elle parvient avoir le monde tel qu'il, sans l'orner de brillantes couleurs de l'imagination, mais aussi sans en faire un squelette dégoûtant et terrible. L'espérance ne l'abandonne pas avec la vivacité du jeune âge – mais cette espérance n'est plus un prestige. Elle prend la forme chérie de ce qu'il aime. Ce n'est plus pour lui seul, c'est pour les objets de son amour qu'il espère – non avec l'aveuglement d'une imagination fougueuse mais avec la justesse d'une raison éclairé par l'expérience. Pour lui espérer c'est prévoir un bonheur éloigné mais possible – il en jouit en y guidant ce qu'il aime; il agit comme la providence. Et cette religion créé par l'amour même – quel charme ne doit-elle pas avoir pour une âme, qui a tant à aimer. L'idée de Dieu n'est qu'imposante et sublime pour l'être isolé qui n'en juge que par la grandeur de cet univers où il est seul, perdu dans l'immensité. En appréciant l'autre vie d'après celle-ci il n'y vois que solitude – éternel détachement de tout, succédant à un isolement momentané. Sa prière n'est que méditation. Au contraire – l'homme entouré d'une famille adorée se présente devant l'être suprême pénétré de reconnaissance et d'amour. En se postulant devant sa providence il le bénit, il lui confie la destinée, ce qu'il a de plus cher; ce ciel où s'élevait ce regard est pour lui l'habitation d'un père, non attendrissant, qui réveille dans son âme les souvenirs du bonheur dont il jouit dans sa famille terrestre et les espérances de ce bonheur si pur qu'il trouvera dans la grande famille du ciel! Sa prière est l'expression de la reconnaissance.

En disant: bonheur du ménage... vous dites: continuité de sentiments calmes et purs; tranquille contentement de soi-même; activité utile et animée par la présence de l'objet aimé; union dans l'accomplissement de devoir; union dans le perfectionnement de l'âme; union dans la bienfaisance... Vous ne pensez pas alors à ces plaisirs si vifs et si passagers que nous forme la satisfaction de quelque désir passionné et dont la série ne constitut nullement le bonheur. Ce ne sont que des fanaux qui brillent sur des hauteurs et laissent les environs dans l'obscurité. Ce paisible bonheur est une lumière douée, qui remplit et éclaire également tout; il se répand sur la vie sans en distinguer aucune époque particulière. Il coule de l'âme et ne dépend de rien.

Jusqu'ici je n'ai répondu qu'à la première moitié de votre impertinente question, mes chers confrères. Si je ne vous ai pas défini le bonheur du ménage, au moins j'ai taché de le peindre. Je vous ai montré

le paradis – mais vous exigez encore que je vous en montre le chemin. Je le vois d'ici et je vous dirai d'abord qu'il fourmille de voyageurs, de toute espèce. Tous se hâtent d'arriver à la porte d'Eden, qui n'est ni fermée, ni gardée par un ange en gloire flamboyant, mais qu'ils manquent le plus souvent grâce à leur sot aveuglement. D'abord il faut savoir qu'on est toujours deux, quand on commence ce voyage. Les uns s'embarquent sans aucun désir de trouver le paradis en question: les pauvres gens se fatiguent dès le premier pas, s'arrêtent et l'on ne voit sur le chemin que leurs mannequins, qui font semblant de marcher mais qui toujours restent à la même place; le plus souvent ils paraissent entourés de petits mannequins qui les imitent dans tous leurs mouvements et qui tout aussi patement immobiles qu'eux. Vous concevez bien que dans cette classe (qui par parenthèse est très nombreuse) appartiennent tous ceux qui se donnent la main par convenance, qui n'ont ni principes, ni moyens, – qui se jouent de la vie par indifférence, ou vanité, ou sottise et qui n'ont d'autre but que de tuer au plus vite le moment présent. Un grand nombre des prétendants au paradis marchent deux à deux attachés l'un à l'autre par une chaîne pesante qui les empêche et de se mouvoir et de se séparer. Ils n'ont qu'une idée très confuse de notre paradis; ils désireraient fort d'y parvenir; mais comme ils marchent avec lenteur à cause de leur chaîne; et se heurtent à chaque instant l'un contre l'autre – ils meurent avant d'atteindre leur but; ou n'y parviennent que trop tard, horriblement défigurés par de meurtrissures qui les rendent tout à fait méconnaissables l'un pour l'autre. Il faut mettre dans cette classe malheureuse tous ceux qui sont méchants par caractère, tous ceux qui ont contracté des liens forcés, en sacrifiant un penchant qui les entraînait d'un autre côté; enfin, tous ceux qui sont à jamais séparés par l'inégalité de l'âge. Ils sont toujours tristes; toujours maudissant leur union qui n'est qu'un esclavage; et si par quelque hasard ils réussissent d'entrer dans notre paradis, ils n'en peuvent plus goûter les délices; ils y apportent des cœurs fanés, n'y trouvent que la tranquillité et n'ont aucune idée du bonheur caché dans le sanctuaire. Enfin, plusieurs, ayant une idée très distincte de ce bonheur sont entravés dans leur marche par des obstacles inévitables. S'ils sont assez faibles pour perdre patience: ils s'arrêtent au milieu du chemin, aigris par le désespoir ou pétrifiés par l'indifférence; mais s'ils possèdent une âme forte, s'ils sont doués de persévérance, ils ne s'effraient pas des obstacles, ils les renversent ou se décident à une courte séparation pour faire un détour et les éviter; ils se réunissent après à la porte de l'enceinte sacrée; ils se donnent la main sur le seuil et sont d'autant plus heureux

que leur bonheur a été payé cher. Nous mettons dans la classe de ces pèlerins estimables tous ceux qui attirés par un penchant irrésistible s'unissent volontairement pour voyager, sont de bonne foi dans leur recherche, mais qui chemin faisant découvrent l'un dans l'autre plusieurs défauts de caractère ou plusieurs travers de l'esprit très capables de les arrêter en route, et prennent la résolution de les détruire par force ou par adresse. En quoi on réussit toujours si l'amour est soutenu par la fermeté et la constance.

Mais, trêve d'allégorie. Parlons raison. Oh! comment pourra-t-il être distrait dans son activité celui qui possède ce qu'il aime! Quelle idée importune viendra jamais le troubler dans ses occupations! Qu'a-t-il à chercher, qu'a-t-il à regretter ou craindre! Tout est là!... Oui! Je regarde l'amour de l'occupation et de l'ordre comme une des plus solides bases du bonheur conjugal. L'ennui nous bannit de notre maison, nous fait trouver insipide le calme qui y règne – l'occupation nous y attache; elle résiste à cette inquiétude si naturelle à l'homme; en nous rendant plus capables de goûter les plaisirs de la société, elle nous empêche en même temps d'aimer la dissipation et embellit notre solitude – oh qu'il est doux, après avoir sacrifié quelques heures au monde bruyant, de revoler dans le paisible enclos de notre famille; de s'y retrouver de nouveau, au milieu de ses occupations et de ses plaisirs journaliers et de redevenir soi-même.

Il me reste à indiquer la dernière source du bonheur conjugal – c'est l'amour que les époux ont pour leurs enfants et les soins qu'ils prennent de leur éducation. Ici je répéterai ce que j'ai dit plus haut: union dans vos idées sur leur bonheur, union dans vos moyens de le préparer par l'éducation; enfin union dans vos projets de les rendre heureux. Si dans ces cas importants vos idées ne sont pas d'accord – adieu ménage! Votre attachement pour vos enfants deviendra pour vous une pomme de discorde! Et les objets de votre amour en seront les premières victimes.

Récapitulons en trois mots:

Bonheur du ménage: situation dans laquelle l'homme développe les plus nobles facultés de son âme et jouit le plus dignement de son existence.

Moyens d'y parvenir: amour sans bornes, conformité dans les moyens de concevoir le bonheur, et bonne foi et persévérance dans sa recherche.

Et pour finir, je répéterai ce qu'a dit un poète (Schiller) à ses amis, inspirés par la joie: «Bien heureux celui qui a trouvé une femme selon son cœur! qu'il réunisse sa voix à la nôtre! Mais celui qui n'a jamais connu cette félicité – misérable! Qu'il se retire, et qu'il pleure en silence!»

*Перевод:***№ 5**

В чем состоит семейное счастье и какое самое верное средство его достичь?

Пусть у нас будет согласие

В нашей маленькой семье,

Все дни в любви!

О! да здравствует супружество!

Самое прекрасное зрелище, которое земля могла бы подарить небу, есть семейная жизнь! – сказал или не сказал некий автор, которого я не знаю. Он прав, и, несомненно, у него была хорошая жена, шесть милых детей, добрый нрав; он умел наслаждаться своим семейным кругом и, довольный настоящим, думал с доверием о будущем, твердо веря, что Небесный Отец защищает предпочтительно счастье доброго супруга и хорошего отца.

Да, милый незнакомец, я говорю с вами¹: если есть на земле место, где существует полное счастье, это лоно семьи, объединенной согласием и пользующейся благами жизни перед лицом Всевышнего.

Семейная жизнь – именно на этой сцене развиваются самые благородные душевные качества. Можно выбрать более блистательный театр – можно удивлять силой гения, блеском талантов; можно внимать аплодисментам многолюдной толпы – тогда человек кажется окруженным величественным светом, который вас ослепляет. Вознесенный на блистательный помост, он кажется вам великим; но это величие может относиться к месту, которое он занимает. Он слыш-

¹ Намек на Плещеева. В этом отрывке Жуковский обрисовывает семейную жизнь Плещеева, автора нескольких театральных пьес и стихотворений на французском языке, отца шестерых детей и любящего супруга. Здесь же просматривается связь с ранее написанным поздравительным стихотворением Жуковского Плещееву в день его рождения 1 июня 1812 г.:

Он будет, братия, любезен, добр, умен!

Бог даст ему жену, каких немного жен!

И есть, и пить, и спать он станет по преданью!

Да сверх того играть на лире как Орфей,

Все превосходное считая за забаву.

Прекрасных шестерых детей

Он будет здесь, в Черни, воспитывать на славу...

(ПССиП. Т. 1. С. 205).

ком далек от вас, чтобы вы оценили его по достоинству. Отнимите от него все, что не его, – тогда вы сможете вынести справедливый приговор.

Все это величие исчезает, когда человек входит в мирное лоно своей семьи – он входит таким, какой он есть, он виден вблизи, его судят беспристрастно – он читает свой приговор в своем собственном счастье и в том счастье, которое он расточает вокруг себя. Радость, сверкающая во взглядах, которые он встречает, спокойствие и порядок, царящие в его доме, также свидетельствуют в его пользу.

Можно заниматься более широкой деятельностью, проходя путь почета и властолюбия – но ты живешь и полно наслаждаешься жизнью только в своей семье. Именно здесь исполняется истинная цель естества. Любое другое счастье рождено обществом и несбыточно, потому что искусственно. Но это счастье действительно – это первенец природы, оно просто, как и она, и, как она, никогда нас не обманывает.

Нет ничего ужаснее для чувствительного существа, чем отчуждение. «Нехорошо, чтобы человек был одинок», – сказал создатель. Это непреложный закон. Мы стараемся повторяться в тех, кого любим. Наше счастье подле них, мы переносим их в свое будущее, они являются единственной целью всех наших дел – без чего нет никаких дел. Одинокое существо непременно ограничено в своем существовании, его душа мало-помалу иссушается, и, не находя, кому скрасить жизнь, он устает от этого и увядает до наступления последнего часа.

Напротив, тот, кто идет по жизненному пути, окруженный милыми спутниками, оживляющими для него это часто такое утомительное путешествие, является для меня идеалом полного счастья. Он мирно наслаждается сознанием своего существования, его чувства постоянны – они сосредоточены на одном объекте. Его мысль более не теряется в вымышленных пространствах, она укрепилась в милой ему действительности, она проявляется на видимых предметах, и все ее порождения полезны. Каждая минута его жизни имеет цель! Награда тотчас следует за творимым им благом, так как его судья подле него. Этот беспристрастный судья, который его понимает, способствует его успеху и, разделяя его, заставляет наслаждаться им вдвойне. Его душа очищается и совершенствуется благодаря своей благородной деятельности. Оставаясь в счастливом равновесии, не волнуясь от бури страстей, никогда не слабея из-за безразличия, ей

удается принимать мир таким, каков он есть, не украшая его яркими цветами воображения, но также и не делая из него отвратительного и ужасного остова. Надежда не оставляет его вместе с пылкостью юного возраста, но эта надежда больше не имеет обаяния. Она принимает форму любимого человека. Он надеется уже не для себя, а ради предметов своей любви – без ослепления пылкого воображения, но с верностью здравого рассудка, просвещенного опытом. Для него надеяться – значит предвидеть далекое, но возможное счастье. Он наслаждается им, направляя сквозь него того, кого любит; он действует как провидение. А эта религия, созданная самой любовью, – сколько очарования должна она иметь для души, которая так любит! Божий замысел значителен и возвышен для одинокого человека, который судит о нем лишь по величию этого мира, в котором он одинок и потерян в безмерности. Оценивая другую жизнь по своей, он видит в ней лишь одиночество – вечное отстранение от всего, сменяющее минутное отчуждение. Его молитва есть лишь размышление. Напротив, человек, окруженный любимой семьей, предстает перед Верховным существом исполненный признания и любви. Прося у провидения, он его благословляет, доверяет ему свою судьбу, все, что ему дороже всего. Это небо, куда возносил он взгляд, является для него жилищем отца, не умиляющего, а пробуждающего в его душе воспоминания о счастье, которым он наслаждается в своей земной семье, и упование на это чистое счастье, которое он найдет в большом небесном доме! Его молитва выражает признательность.

Произнося: семейное счастье, вы говорите: непрерывность спокойных и чистых чувств, спокойное удовлетворение самим собой, полезная деятельность, оживленная присутствием любимого человека, единение в выполнении долга, единение в совершенствовании души, единение в благодеянии... При этом вы не думаете о таких живых и мимолетных удовольствиях, которые производит в нас удовлетворение каким-либо страстным желанием и совокупность которых никоим образом не составляет счастье. Это всего лишь маяки, сияющие на высоте и оставляющие окрестности во мраке. Это мирное счастье является светом, который все наполняет и освещает равным образом; оно разливается на жизнь, не разделяя ее на отдельные эпохи. Оно исходит из души и ни от чего не зависит.

До этого момента я ответил лишь на первую половину вашего нахального вопроса, мои дорогие собратья. Если я не определил для вас семейного счастья, то, по крайней мере, я попытался его изо-

бразить. Я вам показал рай – но вы все еще требуете, чтобы я показал к нему дорогу. Я ее вижу отсюда, и я вам сначала скажу, что она кишит разного рода путешественниками. Все торопятся прибыть к воротам рая, незапертым и не охраняемым ангелом со сверкающим нимбом, но которые они чаще всего пропускают из-за своей глупой слепоты. Для начала нужно знать, что вы всегда вдвоем, когда вы начинаете это путешествие. Одни отправляются в путь безо всякого желания найти искомый рай: несчастные люди устают с первого шага, останавливаются, и на дороге видны лишь их манекены, которые делают вид, что идут, но всегда остаются на том же месте. Чаще всего кажется, что они окружены маленькими манекенами, подражающими всем их движениям, но остающимися такими же неподвижными, как и они. Вы хорошо понимаете, что к этому разряду (который, между прочим, очень многочислен) принадлежат все те, кто дает друг другу руку по расчету, кто не имеет ни принципов, ни средств, кто играет жизнью по безразличию, или тщеславию, или глупости и кто не имеет иной цели, чем как можно скорее убить настоящее. Большое количество претендентов на рай идут вдвоем, привязанные друг к другу тяжелой цепью, которая им мешает не только двигаться, но и расстаться. У них довольно смутное представление о нашем рае; они желали бы до него добраться, но так как из-за цепи они идут медленно и беспрестанно ударяются друг о друга – они умирают прежде, чем достигают своей цели; или достигают ее слишком поздно, обезображенные следами старости, делаящими их совершенно неузнаваемыми друг для друга. Нужно определить в эту категорию несчастных всех тех, у кого злобный нрав, кто заключил брак по принуждению, жертвуя своей привязанностью, которая их тянет в другую сторону; наконец, всех тех, кто навсегда разлучен из-за неравенства в возрасте. Они неизменно грустны, неизменно клянут свой союз, являющийся просто рабством; и если случайно им удастся войти в наш рай, они не могут им наслаждаться, они приносят в него увядшие сердца, находят в нем лишь успокоение и не имеют представления о счастье, спрятанном в это убежище. Наконец, многие имеют очень четкое представление об этом счастье, но стеснены в своем ходе неминуемыми преградами. Если они достаточно слабы и не настойчивы, они останавливаются посреди пути, ожесточенные отчаянием или скованные безразличием. Но если у них сильный дух, если они наделены терпением, они

не страшатся преград, они их сметают или решаются на короткое расставание, чтобы сделать крюк и их избежать; они соединяются позже у врат в святое убежище; на пороге они дают друг другу руку и становятся счастливы, так как это счастье дорого стоило. Мы поместим в эту категорию почтенных странников всех тех, кто, привязанные непреодолимой склонностью, добровольно соединяются для путешествия и искренни в своем поиске, но, проходя этот путь, открывают друг в друге множество недостатков характера или ума, способных остановить их в пути, и принимают решение силой или ловкостью разрушить их. В чем можно всегда преуспеть, если любовь поддерживается твердостью и постоянством.

Но довольно аллегорий. Поговорим здраво. О! Как может быть рассеян в своей деятельности тот, у кого есть любовь! Какая навязчивая мысль может когда-либо побеспокоить его в его занятиях! Что ему искать, о чем сожалеть или чего бояться! Все здесь!.. Да! Я смотрю на любовь к занятию и порядку как на одну из прочных основ семейного счастья. Скука гонит нас из дома, заставляет находить непривлекательным царящее в нем спокойствие – занятие нас к нему привязывает, оно противостоит этому беспокойству, настолько свойственному человеку, делая нас более способными ценить удовольствия общества. В то же время она мешает нам любить рассеянность и украшает наше одиночество – о, как приятно, пожертвовав несколькими часами шумному миру, вновь влететь в мирное пристанище своей семьи, вновь там оказаться, посреди своих занятий и ежедневных удовольствий и вновь стать собой.

Мне лишь остается указать последний источник семейного счастья – это любовь, которую супруги имеют к своим детям, и забота об их образовании. Здесь я повторю то, что сказал выше: единение в ваших представлениях об их счастье, единение в средствах подготовить его через образование, наконец, единение в ваших планах сделать их счастливыми. Если в этих важных случаях вы не согласны в ваших представлениях – прощай семья! Ваша привязанность к детям станет для вас яблоком раздора! И объекты вашей любви будут его первыми жертвами.

Повторим в трех словах:

Семейное счастье: обстоятельства, в которых человек развивает самые благородные свойства своей души и самым достойным образом наслаждается своей жизнью.

Средства его достижения: безграничная любовь, соответствие способов понимания счастья, добросовестность и терпение в его поиске.

И в завершение я повторю то, что сказал один поэт (Шиллер) своим веселым друзьям: «Счастлив тот, кто нашел женщину по сердцу! Пусть он присоединит свой голос к нашему! Но тот, кто никогда не знал этого счастья – презренный! Пусть он уйдет и плачет в одиночестве!»¹

¹ Речь идет об отрывке из стихотворения Ф. Шиллера «К радости» (ст. 13–20).
Ср. русский перевод:

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге, –
Влейся в наше торжество!
Кто презрел в земной юдоли
Теплоту душевных уз,
Тот в слезах, по доброй воле,
Пусть покинет наш союз!

(Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 149. Перевод И. Миримского).

О месте стихотворения Шиллера «К радости» и данного фрагмента в творческой биографии Жуковского см.: ПССиП. Т. 7. С. 568–569. Примеч. О.Б. Лебедевой к переводу Жуковским комедии А. Коцебу «Ложный стыд».